

**Инна
Карташевская**

*Прошлое
должно
умереть*

«Книга-Сефер»
Израиль
2013

+ 16

Инна Карташевская
Прошлое должно умереть

«Книга-Сэфер»

2013

Карташевская И.

Прошлое должно умереть / И. Карташевская — «Книга-Сэфер», 2013

...Но Аллины наивные иллюзии стали рассыпаться в прах сразу же, как только они с мамой приехали в Москву и вышли на Курском вокзале. Аля растерялась. До этого в Москве она была только один раз. В шестом классе она приезжала на главную елку страны. Тогда ее не очень волновало, как она выглядит и во что одета, но сейчас... Сейчас она увидела невероятное количество хорошо одетых, уверенных в себе, спешащих куда-то людей. А вокруг были еще и широченные улицы, огромные здания, шикарные по сравнению с херсонскими магазины...

Инна Карташевская

Прошлое должно умереть

Звонок раздался, когда Альбина была дома одна. В этом ей повезло. Дочка была в школе, сын в институте, а муж как всегда на работе. Альбина работала в иностранном отделе районной библиотеки, и по вторникам они закрывались в два часа. Она успела закупиться, зайти в дом, положить продукты в холодильник, когда зазвонил телефон, и знакомый голос сказал

– Привет, Лаврова, узнаешь меня?

Много лет долгими ночами Альбина обдумывала, что она сделает, если услышит этот голос. Но время шло, никто не звонил, не приходил, и возможность звонка стала казаться чисто теоретической. Но на всякий случай, Альбина обдумала каждое слово и каждую интонацию в этом разговоре.

Телефон зазвонил, когда она совсем не ожидала.

– Привет, Лаврова, узнаешь меня?

Конечно, узнаю. Сердце на мгновение остановилось, задрожали руки и ноги, но, слава богу, заученные и многократно про себя отрепетированные слова прозвучали естественно.

– Нет, голос, вроде, знакомый, но не узнаю. А кто это?

– Казачкова, подруга твоя. Что не ожидала услышать?

Да, нет, ожидала. Много лет ожидала она этой беды, а вот теперь, когда почти перестала ожидать, она и настигла.

Так, прежде всего надо не подать виду, что испугалась. Нельзя дать ей даже заподозрить, как она ее боится. Ведь, в конце концов, она может звонить и без всякого злого умысла, просто так, пыталась подбодрить себя Альбина. А в трубку уже автоматически произносила давно заготовленные слова.

– Ой, Ленка, как я рада тебя услышать. Ты где, в Москве?

– В Москве, в Москве, Что так уж действительно рада?

– Конечно. Ты проездом или в гости по старым друзьям?

– Живу я в Москве, уже месяц. Вот, все тебя искала, хотела поговорить.

– Ну, молодец, что нашла. Слушай, нам нужно увидеться. Интересно, мы хоть узнаем друг друга, Наверное, обе так изменились. Хочешь приехать ко мне?

Последние слова дались ей с большим трудом. Голос предательски дрогнул, и на том конце это сразу почувствовали.

– Не бойсь, не бойсь. Не хочу я к тебе приезжать, так что не пугайся. Но встретиться нам действительно нужно. И поговорить тоже. Ты ведь как-никак мне обязана.

Ну, вот, и началось. Сердце на миг опять перестало биться. Призрачная надежда на то, что все обойдется, исчезла, и Альбина с ужасом поняла, что придется идти до конца. Что ж, она должна бороться за свою семью. В конце концов, она никому ничего плохого не сделала. А если и придется что-то сделать, то ее вынудят к этому обстоятельства.

– Ой, знаешь, давай встретимся на нашем месте, Помнишь, как когда-то.

Покурим, поболтаем, а потом сходим куда-нибудь, отметим встречу, хочешь?

Что ж, кажется, прозвучало вполне естественно. Главное, чтобы она не догадалась, что и место и план действий давно продуманы, и не раз уже этот разговор повторялся и в мыслях и в кошмарных снах.

– Ну, давай, давай, можешь даже захватить с собой что-нибудь выпить за встречу. Сейчас встретимся?

– Конечно, сейчас. Я так хочу тебя увидеть.

Пока еще кто-нибудь не увидел, подумала она про себя. А вслух опять радостно до невозможности

– Я прямо сейчас выхожу, где-то через час-полтора буду на месте.

– Хорошо, значит, примерно в пять мы и увидимся. И поговорим обо всем. Пока, подруга.

В последних словах явно прозвучала угроза. Ну что ж, на всякий случай нужно быть готовой. Альбина вытащила из серванта бутылку коньяка и положила в сумку вместе с сигаретами. Так, еще пачка итальянского печенья, плитка шоколада, пара одноразовых стаканчиков. Здесь как будто все. А теперь самое главное. Она быстро прошла в коридор, открыла кладовую, встала на табуретку, отодвинула доску и достала пистолет.

* * *

«Наше место» было укромным уголком в парке по дороге из университета, куда они забежали перекурить двадцать лет назад. Им тогда было по восемнадцать, и они учились в университете. Вообще-то, Альбина была не москвичка. Она родилась и выросла в небольшом городе на юге Украины. Ее отец был там директором большого машиностроительного завода, мама преподавала английский язык в местном пединституте. Правда, у нее не было ни званий, ни работ. Ей это было и не нужно. Она отработывала свои немногие часы со студентами, и бежала домой, чтобы успеть приготовить обед для любимой дочки и мужа. Аля была единственным ребенком в семье. Хотя ее очень баловали, она, как ни странно, росла милой послушной девочкой, хорошо училась, старательно и аккуратно делала уроки, уважала учителей, любила родителей и вообще была совершенно домашним ребенком. Она была хорошенькой и нравилась многим мальчикам, но не спешила обзаводиться другом и даже в старших классах не ходила ни на дискотеки, ни на вечеринки в компании, Одноклассницы, которые к десятому классу уже успели повидать многое, считали ее дурочкой, но мальчики уважали, а один из них даже как-то однажды глубокомысленно сказал:

– Алечка – девочка не для постели, а для свадьбы.

И никто не знал, что все дело было в том, что Аля уже давно про себя решила, что в родном городе ей делать нечего. Она должна покорить Москву.

Она представляла себе, как приедет в Москву, ее сразу заметят, и она будет возвращаться в самом высшем обществе. Естественно, она выйдет замуж за дипломата или сына министра. Через несколько лет она приедет домой со своим высокопоставленным мужем, и тогда все будут ей завидовать и поймут, что она была создана не для жизни в их жалком провинциальном городе.

В начале 10-го класса она объявила родителям, что поедет учиться в Москву. Родители сначала и слышать об этом не хотели. Зачем ей ехать куда-то, когда здесь для нее, дочери местного начальства, открыты двери всех институтов. Да и как можно отпустить такую юную неопытную девочку, никогда никуда не ехавшую без родителей, жить одной в огромном чужом городе. А если с ней что-нибудь случится? А что она там будет кушать? А кто за ней присмотрит?

Но, несмотря на мамины слезы и разговоры с отцом Аля твердо стояла на своем. Правда, если бы не вмешательство тетки, маминой родной сестры, вряд ли ей одной удалось бы сломить волю родителей. Тетя Рая всегда считалась в их семье авантюристкой. Скорее всего, она такой и была. В Алином возрасте она поехала в Ленинград тоже против воли родителей и поступила в медицинский институт. Через пару лет в нее влюбился мужчина на 20 лет ее старше, женатый, но вроде собиравшийся разойтись с женой. Несколько лет они жили вместе, но не могли пожениться, так как жена не давала ему развода. Тетя Рая забеременела и родила от него сына.

Тогда его, наконец, развели, и они поженились. Но их счастье длилось не долго. Через полтора года тети Раин муж, совсем еще не старый человек, неожиданно умер от инфаркта, и она осталась одна с ребенком. Квартиру, дачу и большую часть денег отсудила его жена при разводе, и тетя Рая жила с мужем и ребенком на съемной квартире. Оставшись одна, она попы-

талась устроиться на работу, но без связей и протекции это было тяжело. Ребенка не с кем было оставлять, денег не было и, помучавшись несколько месяцев, она вернулась домой к родителям в Николаев, откуда они с сестрой были родом. Там она быстро устроилась на работу по специальности и даже вышла замуж во второй раз. Но через пять лет она выгнала мужа и зажила сама с сыном. Уж такой у нее был независимый характер, она любила командовать и не признавала никаких нежностей. Ее сын вырос и, пойдя характером в маму, поступил в военное училище. После окончания училища он женился и уехал служить на север. Тетя Рая стала заведующей роддомом и, наконец, реализовала свой командирский характер. Время от времени она наезжала в гости к своей наседке-сестре, критиковала ее домашний, лишенный всякого честолюбия образ жизни, пугала ее своими идеями и вбивала Але в голову мысли о жизни в большом городе.

– Дайте девочке возможность вырваться из вашего болота, – кричала она Алиным родителям. – Она у вас красавица, умница, кого она здесь себе найдет? Вы не знаете, как люди красиво живут в больших городах, сколько там возможностей. Она вполне сможет найти там себе дипломата, молодого талантливого ученого, космонавта, сына министра, да кого угодно, и будет жить совсем другой жизнью, ездить за границу, ходить в театры, рестораны, одеваться в «Березке». От ее слов у Али начинала кружиться голова, и она еще тверже решала, что ни за что не останется в родном Херсоне.

В конце концов, родителям пришлось согласиться, тем более что мамина двоюродная сестра Тамара, жившая в Москве, обещала присмотреть за Алей и найти ей квартиру недалеко от себя.

Но Аллины наивные иллюзии стали рассыпаться в прах сразу же, как только они с мамой приехали в Москву и вышли на Курском вокзале. Аля растерялась. До этого в Москве она была только один раз. В шестом классе она приезжала на главную елку страны. Тогда ее не очень волновало, как она выглядит и во что одета, но сейчас... Сейчас она увидела невероятное количество хорошо одетых, уверенных в себе, спешащих куда-то людей.

А вокруг были еще и широченные улицы, огромные здания, шикарные по сравнению с херсонскими магазины... Аля мгновенно почувствовала себя с мамой ничтожными песчинками в чужом незнакомом и даже враждебном мире. А тут еще в метро они застряли в дверях со своими чемоданами, и Аля увидела, что другие пассажиры смеются над ними, неуклюжими, жалкими провинциалками. В первую минуту она пожалела, что приехала сюда. Лучше уж осталась бы в своей деревне, чем потешать народ в столице. Но гордость и упрямство взяли верх, и она дала себе слово, что как только осмотрится и придет в себя, то сделает все, чтобы ничем не отличаться от москвичей, а со временем будет выглядеть еще и лучше всех.

В университете, однако, ей снова стало не по себе. Ее ошеломили размеры здания, количество молодых людей. Ей снова показалось, что она хуже всех одета, что у нее на лице написано, что она из глубокой провинции и приехала с мамой, которая ведет ее, чуть ли не за ручку. А все вокруг были веселыми, самоуверенными, красивыми, и, хотя тоже только собирались сдавать вступительные экзамены, уже все и всех знали и чувствовали себя в университете вполне свободно. Бедная Аля вновь растерялась и уже опять была готова вернуться в родное болото. Но ее папа, успел подсутиться и использовать свои связи в Москве, чтобы помочь доченьке. Нашлось, кому замолвить за нее словечко, за определенное вознаграждение, конечно, и Аля успешно сдала экзамены. Правда, она была еще и хорошо подготовлена, так как занималась с хорошими репетиторами. Да и с сочинением повезло, попала тема, на которую она уже писала сочинение в школе и помнила его наизусть. В общем, она прошла по конкурсу и стала студенткой факультета романо-германской филологии, отделения английского языка и литературы. Здесь же на вступительных экзаменах она и познакомилась со своей самой близкой подругой, а теперь самым страшным врагом Леной Казачковой.

Еще перед первым экзаменом Аля обратила внимание на хорошенькую бойкую девочку, стоящую возле двери экзаменационной аудитории и со всеми заговаривающую

– Ну, вот, тоже сдает первый экзамен, а всех знает, – завистливо подумала Аля. – Непонятно только откуда.

Лена действительно знала многих, а еще больше людей знали ее. В отличие от стеснительной Али, она была очень общительной, со всеми разговаривала как со старыми знакомыми, охотно отвечала, когда обращались к ней. Она откуда-то знала многих преподавателей и рассказывала, кто из них вредный, а кто не очень. Аля подумала, что она уж точно москвичка, но оказалось, что эта девочка тоже с Украины, из Запорожья, Об источниках ее удивительной осведомленности Аля узнала позже, когда они уже подружились, Оказывается, ее папа, генерал, сумел пристроить Лену в ученицы к замдекана факультета иностранных языков, да еще так, что она месяц перед вступительными экзаменами жила у той дома. Конечно, все экзамены она сдала прекрасно, а, кто бы в этом сомневался, с такой-то протекцией.

Лена первая заговорила с Алей по доброте душевной, уж очень испуганной та выглядела там перед дверью. Аля была счастлива, что она, наконец-то, с кем-то познакомилась, а тем более с такой популярной девочкой. После экзамена они пошли вместе обедать в кафе. Алиной маме Лена очень понравилась. Девочка из приличной семьи, папа генерал, мама доцент, брат юрист. Ленка держалась очень скромно, разговаривала голосом милой домашней девочки. Очень скоро Алиная мама была ею просто очарована и сразу решила, что, если Аля поступит в университет, то нужно будет снять ей квартиру вместе с Леной. Об общежитии не могло быть и речи. Там такое творится, девочки из приличных семей не могут жить в общежитии.

Так и получилось. Когда они обе поступили в университет, тетя Тамара нашла им квартиру в своем же доме только в соседнем подъезде. Строгая квартирная хозяйка тысячу раз пообещала Алиной маме смотреть за девочками, и, если не дай бог что-нибудь случится, сразу звонить тете Тамаре или прямо в Херсон.

Наконец, рыдающая мама уехала. Вот теперь, оставшись одна, Аля по-настоящему испугалась. Но одновременно и обрадовалась: наконец-то начинается новая взрослая жизнь.

Нужно признать, что с Леной Але, конечно же, повезло. Поначалу она даже в столовую сама стеснялась зайти. Ленка же не боялась и не стеснялась никого и ничего. И со знакомыми, и с незнакомыми она говорила как с хорошими друзьями, и Аля порой не могла понять, знала Ленка этого человека раньше или видит первый раз в жизни. Аля отчаянно завидовала этой Ленкиной легкости, но даже и не пыталась ей подражать. У нее все равно бы так не получилось. С этим нужно было родиться.

С планом покорения Москвы тоже ничего не выходило. Более того, Аля даже никак не могла добиться того, чтобы выглядеть москвичкой. Что-то было такое в настоящих москвичках, что сразу в любой толпе отличало их от приезжих. То ли какой-то особый столичный лоск, уверенный взгляд, независимый вид, было что-то такое чего Аля никак не могла уловить. Да и одеты они всегда были моднее и причесаны лучше, и, вообще, выглядели гораздо ухоженнее. Алиная мама старалась, как могла, доставала и присылала дорогие импортные вещи, но все это было не то. Достать же самое модное даже в избалованной Москве тогда было непросто. Нужно было слоняться по большим магазинам, ожидая пока что-нибудь «выбросят» и начнут «давать». Первое время Аля по своей провинциальной привычке сначала пыталась узнать, что дают. Пока она выпрашивала последнего в очереди, за ним вырастал уже длинный хвост. Наконец она поняла, что, увидев продавщицу, катящую тележку с неизвестным товаром, нужно со всей толпой бежать за ней, становиться у прилавка, хватать последнего за талию, чтобы никто не влез между, и ждать. Через некоторое время от первых в очереди передавали, что дают, детские костюмчики или сапоги. Тогда те, кому это было не нужно, уходили, остальные подставляли руки, и очередные активисты писали им на руке номер, чтобы опять-таки никто не влез. Эти же активисты сразу устанавливали норму больше одной (двух) пар (штук) в одни руки

не давать. Это делалось для того, чтобы не дать возможности приезжим уволочь все из Москвы в свою провинцию. Продавцы в этом были солидарны с очередью. Всех москвичей объединяла стойкая ненависть к приезжим. Быть же приезжим в Москве было делом не простым, а даже очень сложным. В университете существовало четкое разделение на москвичей и немосквичей. Они даже учились в разных группах, и, конечно, москвичи держались особняком, видя в приезжих потенциальных узурпаторов их московской жилплощади и прописки. Немосквичей сразу можно было узнать по жадным голодным взглядам, высматривающих москвичей. По курсу ходили легенды о студентах и студентках, удачно женившихся или вышедших замуж за москвичей с квартирами, диссертациями и прочими жизненными благами.

Аля оказалась между первыми и вторыми на ничейной земле, которую сама себе создала. Она была очень хорошенькой и нравилась многим мальчикам, но это все было не то, о чем она мечтала. Приезжие мальчишки и не скрывали, что, такие как Аля, им нужны просто, чтобы провести время, а настоящие чувства они приберегают для москвичек, которые кроме любви могут дать еще и постоянную прописку. Москвичи же, охотно используя приезжих девочек для развлечения, также выглядывали москвичек, но только с большими квартирами в престижных районах, родителями, занимающими важные посты и прочими прелестями. И те и другие ухаживали за девочками грубо, некрасиво, бесцеремонно стараясь затащить их сразу в постель.

Романтичную Алю это пугало, и она перестала ходить на вечера и дискотеки. Чтобы избежать насмешек и вопросов, почему она сидит дома по вечерам, придумала, что у нее есть жених дома, и у нее с ним большая любовь. Но в душе поселилась пустота.

Ленка же не задавалась никакими вопросами и вообще ни о чем не задумывалась. Она оказалась порядочной шлюшкой и спала со всеми подряд, кто хоть немножко ей нравился. Хозяйке она сразу же втерла очки, объявив, что будет часто оставаться ночевать у больной тети, и та ей верила. Когда ей было нужно, Ленка могла превращаться в ангела, а потом смеялась над теми, кто ей поверил. Как-то раз она уговорила Алю пойти с ней в общежитие к знакомым мальчикам отметить день рождения. Это было в самом начале их совместной жизни, когда Аля еще не знала, что представляет собой ее подруга. День рождения превратился в пьянку, которая окончилась тем, что все разбежались по постелям, а с трудом вырвавшаяся оттуда дрожащая Аля убежала сама домой и долго еще не могла прийти в себя. Вернувшись утром Ленка долго хохотала над ней, но больше с собой не брала, а если кто-нибудь из ее парней пытался приставать к Але, тут же отгоняла его. Зато ее любимым развлечением стало пугать подругу рассказами о том, как она проснулась утром голая, а на ней кто-то лежал, кого она вообще не знает. Все это она рассказывала, заливаясь смехом при виде ужаса на Алином лице. Даже сейчас через столько лет Аля так и не знала, говорила Ленка тогда правду или просто подшучивала над ней. Но так ли это было или не так, через несколько месяцев Ленка подзалетела. Тогда еще не пропагандировали так открыто противозачаточные средства. По телевизору пятнадцатилетние подростки не рассказывали о том, как здорово заниматься сексом в презервативах, и, кстати, чтобы купить пачку «изделий», как их тогда стыдливо называли, нужно было осмелиться попросить их в аптеке, а там еще не известно на какую грубость можно было нарваться. О противозачаточных таблетках и мечтать не приходилось, поэтому предохранялись, как бог даст. А бог давал как всегда не тем, кому нужно. Поэтому Ленке пришлось пойти на аборт, как оказалось не первый, так как первый она сделала еще в девятом классе.

Аля, конечно же, была как всегда в ужасе, а Ленка пошла на аборт чуть ли не с песней. У нее был запас сомбревина, легкого наркоза, который действовал несколько минут на время аборта, и, который за 25 рублей медсестра вводила в вену.

После аборта она на время притихла, а потом начала все с начала, хотя с большими опасениями, так как врач, делавший ей аборт, все-таки напугал ее, сказав, что еще один аборт и у нее не будет детей.

Так прошел весь первый год Алиной жизни в Москве. На каникулы она вернулась в Херсон и ужаснулась. Ей показалось, что она вернулась назад во времени на несколько лет да еще попала в какое-то стоячее болото. Все ее бывшие подруги показались ей такими ограниченными, местечковыми, провинциальными. В Москве все, по крайней мере, стремились к чему-нибудь, пусть даже просто завоевать себе место под солнцем. Аспирантура, диссертация, работа в министерстве, в престижном научно исследовательском институте – все эти цели требовали бешеных усилий, интриг, но во всем этом было хоть какое-то движение, стремление, пусть даже и очень далекое от благородства. Здесь же в провинции все были как мертвые. Устроиться на приличную, естественно, копеечную работу, выйти замуж, родить ребенка и спокойно отращивать живот. Вот и весь предел мечтаний.

– Какое счастье, что я уехала отсюда, думала Аля, забывая, что и в Москве ее ждет та же пустота. В общем-то, она понимала, что и от своих отбилась и к чужим не прибилась, и тут же снова давала себе клятву любыми путями выбиться в москвички.

Со своими прежними подругами она теперь не могла найти общий язык. Может быть, в душе они ей и завидовали, но смотрели снисходительно и оскорбительно спрашивали «Ну, и что там хорошего в Москве? У тебя там хоть парень есть? Аля и здесь храбро врала, что, конечно, есть, а чтобы не запутаться в подробностях, выбрала одного из сокурсников и, когда ее спрашивали о женихе, рассказывала о нем. Она и вправду нравилась этому парню, но он ее совершенно не интересовал, однако теперь она всем говорила, что у них большая любовь.

Когда каникулы, наконец, закончились, Аля с облегчением уехала в Москву и была счастлива снова увидеть бегущую толпу и почувствовать себя ее частью. Но к ней опять вернулся ее комплекс неполноценности. Все вещи, что она накупила летом, были хороши для Херсона, но Москва снова была на шаг впереди. И опять все пошло по-старому: Ленкины загулы, Алины одинокие вечера с книгами и телевизором. Так продолжалось несколько месяцев, пока она, наконец, не встретила Сашу.

* * *

А произошло это так. Дочка тети Тамары, Лариса, собралась замуж. Ей было уже 24 года. Со своим женихом она была знакома много лет. Как и все москвичи, они пытались найти более выгодные партии, но у обоих ничего не получилось, и они решили, что пора успокоиться и обойтись тем, что есть. Свадьбу собирались сделать небольшую, так как особого богатства ни у жениха, ни у невесты не наблюдалось. Пригласили только родителей и молодежь, поэтому Алины родители на свадьбу не приехали. Алю, конечно, пригласили, так как она относилась к молодежи.

День свадьбы выпал на один из Алиных невезучих дней. Бывают такие дни, когда все складывается неудачно, прическа не получается, все вещи сидят плохо и закомплексованность разрастается до устрашающих размеров.

Когда вечером перед свадьбой Аля стала перебирать свои вещи, оказалось, что ничего подходящего нет. Все было немодное, не сочеталось одно с другим и совсем ей не шло. Перемеряв все, что имела, Аля в отчаянии решила на свадьбу не идти, сказавшись больной. Но тут вмешалась Ленка. Она накричала на Алю, вытащила свое новое платье, которое ей мать привезла из Парижа и заставила Алю надеть его. Платье было обалденное, в самом модном стиле «сафари» и прекрасно сидело на Але. Ленка еще и вытащила свою косметику и собственноручно нарисовала подругу. Вид получился отличный. Аля хоть и не любила надевать чужие вещи, была счастлива. Ленка также была очень довольна. Она вообще никогда не была жадной, всегда легко раздавала свои вещи и так же легко брала их у других. Ей ничего не стоило неделями ходить в чужих вещах, разбрасывать их, но она также не спрашивала и о своих. Она часто дарила Але лишнюю косметику, духи, колготки. Правда, Аля с ее обостренным чувством

порядочности, тоже старалась делать подружке подарки. Но при этом ей в отличие от Ленки приходилось делать над собой усилие, так как доставать хорошие вещи тогда было не так-то просто.

В общем, Аля пошла на свадьбу целиком благодаря Ленке, и потом та со смехом говорила, что Аля ей обязана знакомством с Сашей и должна быть благодарна ей всю жизнь. Аля никогда и не отрицала этого. Она действительно была благодарна Ленке. Эта Ленкина услуга очень сблизила их, они еще больше сдружились. Аля считала Ленку почти сестрой. Они и похожи были друг с другом. У обеих были хорошенькие, слегка вздернутые носики, пухлые губки, густые выющиеся волосы. Многие думали, что они двоюродные сестры. Их это забавляло, и они одно время всем так и говорили.

Саша был свидетелем со стороны жениха. На свадьбе он сразу обратил внимание на хорошенькую стеснительную девушку, кузину невесты. Уж очень она отличалась от бойких развязных девиц, которые ему до сих пор попадались. Он заговорил с ней. Оказалось, что девочка совсем не глупа, а даже, наоборот, умная, начитанная и очень милая. Саша был тронут ее серьезностью и застенчивостью. К тому же оказалось, что она не пьет и не курит, не ругается матом, что тоже не так часто встречается. Ну, просто тургеневская барышня, неизвестно откуда взявшаяся в наше время. Умные, красивые и хорошо воспитанные девочки из приличных семей даже и в то время попадались не часто. Это Саша понял уже давно, и, повстречавшись с Алей какое-то время, решил, так же как и когда-то Алин одноклассник «Аля, девочка не для постели, а для свадьбы».

Через некоторое время он пригласил Алю к себе домой и познакомил с родителями. Нельзя сказать, что Аля была пределом их мечтаний. Они, конечно, считали, что их Саша мог жениться на дочери самых высокопоставленных родителей, но к Але отнеслись благосклонно. На это у них были свои причины, о которых Аля не знала.

Саша также был единственным сыном и не кого-нибудь, а генерала-лейтенанта Крыловского, человека известного и заслуженного, имевшего большой авторитет среди высшего военного начальства. Его фамилия часто встречалась в титрах фильмов об армии и о войне, где он был постоянным консультантом.

Саша вырос высоким красивым парнем. Своим отцом он гордился, но не задавался, в любой компании находил со всеми общий язык и дружил с простыми смертными, такими, например, как Ларисин жених. Он нравился многим девушкам, и, когда его мать считала, что он может рассчитывать на любую самую удачную партию, она была права. Но судьба распорядилась так, что в 22 года он встретил любовь, на которую его родители уж совсем не рассчитывали. Во-первых, она была старше его на 6 лет. Во-вторых, она была дважды разведена, и от каждого брака у нее осталось по ребенку. Вообще-то хрупкая хорошенькая Таня смотрелась очень изысканно. Она была наполовину кореянка, и у нее были прелестные тонкие черты лица и очаровательная стройная фигурка. С ранней юности она мечтала выйти удачно замуж и осуществила свою мечту, подцепив сына потомственных дипломатов, естественно, тоже дипломата. Молодой муж получил направление не куда-нибудь, а в Париж, и Таня уже решила, что ее будущее обеспечено. Но муж оказался алкоголиком. Ради папы его терпели и многое прощали. Но однажды в Париже он допился до того, что бегал по улицам с игрушечным пистолетом и, выскакивая из-за стоявших на обочине автомобилей, пугал прохожих. Это было уже слишком даже для сыночка потомственных дипломатов, и его в 24 часа выслали на родину, где он запил еще сильнее. У Тани к тому времени был уже четырехлетний сын, но она разошлась с мужем, предварительно присмотрев ему преемника.

Следующий муж оказался прямой противоположностью первому. Не пил, не курил, но ни влиятельного папы, ни каких-нибудь других важных родственников у него не имелось. Самая обычная посредственность, он, тем не менее, ухитрился занять покровителей, которые и помогли ему пробиться в тесно сомкнутые круги дипломатического корпуса. В общем-то,

многие, если и не покровительствовали ему, то и не мешали, так как благодаря своей серости и отсутствию связей он никому угрозы не представлял и перебивался на должностях третьего секретаря посольства в какой-нибудь захудалой стране типа Монголии.

Тане понадобилось три года, чтобы понять, что это не тот человек, который ей нужен, и она опять развелась, несмотря, что у нее уже была дочка.

Поиски третьего мужа были временно прерваны знакомством с Сашей. Не устояв перед его обаянием, она решила взять «тайм-аут» на личную жизнь, который неожиданно затянулся на два года к ужасу Сашиной мамы. Не то, чтобы Таня ей не нравилась. Наоборот, Виктория Сергеевна полностью отдавала себе отчет, что Таня действительно очаровательна, прекрасно воспитана, великолепно держится в самом высшем обществе. И даже не разница в возрасте пугала ее. Татьяна, с ее восточными точеными чертами лица будет выглядеть юной еще много лет. Двое чужих детей – вот, что являлось непреодолимым препятствием. Двое безродных чужаков вторгнутся в старинный дворянский род Крыловских. Все, что нажито, все, что удалось сохранить от революций и войн, попадет в чужие руки. Кроме того, Татьяна вряд ли будет рожать третьего ребенка. Трое детей – это даже неприлично. А это значит, что у них не будет своих внуков, и пропадет их фамилия. Этого уже и генерал не мог допустить. В общем, нужно было срочно спасать сына.

Нельзя сказать, что Виктория Сергеевна не пыталась познакомить Сашу с девочкой из подходящей семьи. Еще как пыталась, но ни одна из ее протеже не могла затмить Таню. По сравнению с ней они все казались грубыми, шумными, развязными. Виктория Сергеевна уже отчаялась, когда Саша вдруг привел к ним домой Алю. Милая очаровательная девочка, почти такая же нежная и хрупкая как Татьяна, но совсем молоденькая и наивная, ну просто подарок судьбы. Правда есть и огромный минус – она не москвичка, но ведь полного счастья, как известно, не бывает, а она все-таки не из простой семьи. Отец занимает очень приличную должность, и, наверное, у себя в провинции бог и царь. А Аля единственная дочка, так что вариант действительно неплохой, тем более что других просто нет.

Але повезло еще в одном. Они познакомились с Сашей в тот момент, когда его роман с Таней пошел на убыль. Тане в этом году должно было исполниться тридцать, и она отлично понимала, что после тридцати найти приличного мужа будет гораздо трудней. Саша не мог считаться хорошей партией, так как целиком зависел от родителей, а они, как понимала умная Татьяна, были отнюдь не в восторге от ее детей, и не собирались поощрять сына, если он на ней женится. Да и Саша был не из дипломатического корпуса, к которому Таня продолжала питать стойкое пристрастие. В общем, она решила, что с Сашей пора заканчивать, тем более что подходящий кандидат уже появился на горизонте. Как ни странно, несмотря на двух детей, Таня высоко котировалась как супруга дипломата. Красивая, умная, тактичная, умеющая прекрасно держаться в любом обществе жена очень ценилась в этом кругу. А дети... что ж... они получают хорошие алименты, первый от бабушки с бабушкой, вторая от отца. К тому же, они постоянно живут у Таниных родителей, их можно даже и не видеть.

Саша был не настолько глуп, чтобы не понимать, что любовь подходит к концу. Вначале это его очень задевало, да он и привык к Тане за эти два года. Но по зрелому размышлению он пришел к выводу, что все-таки все к лучшему, так как не хотел ссориться с родителями или огорчать их. Да и роль мальчика при опытной, умудренной жизнью Татьяне, стала ему надоедать. В конце концов, ему двадцать четыре года, Он прошел хорошую школу, и теперь он зрелый мужчина, который в свою очередь может покровительственно отнестись к молоденькой хорошенькой девочке. Аля идеально вписывалась в этот образ и попала ему в нужное время, что и сыграло решающую роль в ее судьбе.

Заговорив с Алей на свадьбе друга, Саша был приятно поражен ее наивностью и застенчивостью, и сразу почувствовал себя рядом с ней таким искусственным в жизни взрослым мужчиной. Это было очень приятное чувство, и он решил продолжить знакомство. На следующий

день они встретились, он повел ее в кафе и был снова приятно удивлен, узнав, что за год жизни в Москве она нигде не была. Он решил, что девочка очень милая. Они начали встречаться, правда, дома он ничего о ней до этого не рассказывал, и Виктория Сергеевна не имела понятия, что он уже не видится с Татьяной, и что опасность его женитьбы на ней миновала. Вернее, он еще встречался с Таней, но приходил к ней только на ночь. Днем Таня сама не хотела с ним показываться, так как боялась, что ее новый жених может увидеть их вместе, так что такие встречи ее тоже устраивали. Но Виктория Сергеевна ни о чем не догадывалась, и, когда Саша вдруг привел Алю, она была просто счастлива. Вот о такой милой тихой невестке она и мечтала. К тому времени она уже забыла, что раньше подумывала о красивой эффектной уверенной в себе особе, дочери влиятельных родителей, которые смогут обеспечить Саше карьеру и положение в обществе. Правда, увидев с какой влюбленностью и преданностью Аля смотрит на ее Сашу, и как он счастлив и весел, она почувствовала, как покой и облегчение наполняют ее душу. Да, именно такая любящая неиспорченная девочка нужна ее сыну. В конце концов, семейное счастье важнее карьеры. Да и Саша не сирота, и родители его тоже, слава богу, не из последних. Есть и положение в обществе, и авторитет, так что ему есть, кому помочь, а хорошая любящая жена, и самое главное собственные дети не менее важны для счастья, чем карьера. И им самим на старости лет нужна будет заботливая и благодарная невестка, а не какая-нибудь избалованная и эгоистичная особа, которой до них и дела не будет. Так, что бог действительно знает лучше нас, что нам надо. Он послал Саше именно то, что ему было нужно. Виктория Сергеевна с облегчением поняла, что ее тревогам пришел конец, и можно уже расслабиться.

Сашиному отцу Аля понравилась с первой же минуты, и он очень довольный в тот же вечер сказал сыну, что лучше Али он себе ничего не найдет. И пора ему уже жениться, а им с матерью пора помянуть внуков, пока еще есть здоровье. Естественно, что при такой мощной поддержке со стороны Сашиных родителей, Аля долго не задержалась в роли Сашиной девушки, а перешла в разряд невест. Через несколько месяцев он сделал ей предложение, и они полетели в Херсон к Алиным родителям, которых эта новость и обрадовала и огорчила одновременно. С одной стороны, они, конечно, были счастливы и рады за дочь. Да, им было, чем гордиться. Их Аля выходит замуж за москвича, и не за какого-нибудь там завалящего, а за сына генерала. И сам жених красавец, умница, с юридическим образованием, но без всяких фокусов, видно, что дочку их любит, и с ними сразу нашел общий язык. Ну что еще нужно для счастья? С другой же стороны, они понимали, что теперь остаются одни. Дочка навсегда останется в далекой Москве, там же будут расти и их внуки, и разве только изредка будут приезжать в гости. Но делать было нечего, и они стали готовиться к свадьбе, которую назначили на лето, и, которую собирались праздновать в Москве.

Когда Альбина вспоминала эти далекие счастливые дни, она сама не переставала удивляться, как хорошо у нее все складывалось. Слишком хорошо, чтобы длиться долго. Или слишком хорошо, чтобы быть правдой. Обе эти английские пословицы теперь часто приходили ей на ум, и обе были справедливы. Но тогда до плохого было еще очень далеко. Наоборот, все улыбалось тогда милой Алечке, все любили ее. Даже суховатая, скупая на чувства Виктория Сергеевна очень привязалась к ней. Общась с Алей, она вдруг остро осознала, как ей всю жизнь не хватало дочери. Она очень любила своего дорогого Сашу, гордилась тем, что родила сына, продолжателя известной фамилии и славного рода Крыловских, но ведь мужчины, это всего лишь мужчины. Что они могут понять в нежной женской душе. Что толку жаловаться одному мужчине на другого. И разве парню расскажешь, сколько нервов, здоровья, сколько женских хитростей потребовалось ей, чтобы завоевать, а главное удержать своего красавца мужа, его дорогого папочку. Виктория Сергеевна очень гордилась тем, какой замечательной женой и хозяйкой она была. Ее великолепная ухоженная квартира, вкусная вовремя приготовленная еда, умение принять самых высокопоставленных гостей, быть всегда к лицу и к месту одетой – все это некому было оценить. Некому было передать свой богатый опыт семейной

жизни: как незаметно для мужа направить его в нужную сторону, как ненавязчиво заставить его разговариваться, как, не упрекая, довести до того, что он сам попросит прощения. В лице Али она нашла благодарную ученицу, и нужно сказать, что за несколько лет жизни со свекровью Аля прошла хорошую школу, которая выручала ее всю жизнь. Ее простодушная провинциальная мама ничего такого не знала, и ни к каким ухищрениям не прибегала. Ее муж, хоть и стал большим начальником, все равно оставался тем же простым парнем из рабочей семьи. Целыми днями пропадая на работе, он возвращался домой усталым и не обращал особого внимания ни на дом, ни на окружающих, так как голова его была постоянно забита нерешенными производственными проблемами. Он любил простую сытную еду, мог каждый день есть борщ с мясом, кашу, котлеты, картошку с селедкой, а больше ничего даже и не признавал. Алиной маме и в голову не приходило, что нужны какие-то хитрости, чтобы удержать мужа. Муж и так всегда был или на работе или при ней.

Аля уже немного искушенная в столичной жизни, хоть и очень любила своих родителей, не могла не чувствовать к ним легкого презрения. Как же мало они видели за свою жизнь, и учиться у них было абсолютно нечему.

Другое дело Виктория Сергеевна. Аля очень внимательно слушала ее рассказы и поучения, тщательно запоминала советы и рецепты. Даже не обладая большим жизненным опытом, она понимала, что выйти удачно замуж еще не все, удержать при себе мужа гораздо трудней. Уж очень много вокруг было эффектных пикантных, уверенных в себе москвичек. Не покажется ли она ему вскоре на их фоне серой, провинциальной, неловкой?

И в этом отношении школа Виктории Сергеевны оказалась для нее совершенно неоценимой. Кстати, то, что она так почтительно внимала своей свекрови и старательно воплощала в жизнь ее советы, сослужило ей еще одну хорошую службу. Виктория Сергеевна также привязалась к ней, даже по-своему с оттенком снисходительности полюбила ее. Так что семейная жизнь Альбины сложилась вполне благополучно. До сегодняшнего дня.

* * *

Прижимая к себе сумку, Альбина вышла из дому, старательно вспоминая, все ли она сделала по Плану. Итак, оделась попроще. Простые джинсы, дешевая куртка, старые кроссовки. Наряд, в котором она обычно ездила на дачу. Может быть, увидев ее одежду, Ленка подумает, что с нее нечего взять, и все обойдется? Если нет, то, что ж, тем хуже для нее. Так, что еще? Сумка тоже старая, ее придется выбросить в воду, так как на сумке могут остаться отпечатки пальцев. А вообще, остаются на сумке отпечатки пальцев? Неважно, лучше не рисковать, тем более, что внутри лежит пистолет. Может, от него тоже остаются какие-нибудь следы. Например, от смазки. Или запах пороха. Хотя пистолет в полиэтиленовом пакете, но кто его знает, как далеко теперь продвинулась криминалистика. Может, они теперь все могут определить. Так, пистолет тоже выбрасываем прямо в пакете и тоже в воду. Но, конечно, все в разных местах. Слава богу, места определены заранее. Впрочем, если пистолет найдут, это им не поможет. Он нигде не зарегистрирован. Имея свекра генерала, не так уж трудно раздобыть незарегистрированный пистолет. Кстати, он сам его и принес ей много лет назад, когда началась эта кутерьма с перестройкой – перестрелкой. Альбина с маленькими детьми часто оставались на даче одни. Богатый двухэтажный особняк мог вполне привлечь и грабителей и местных хулиганов. Тогда генерал и дал ей этот пистолет. Саша был против. Он уверял ее, что она все равно не сможет выстрелить из него, а тем более кого-нибудь застрелить. Но Альбина пистолет взяла, твердо зная, что сможет убить, если речь пойдет о жизни ее детей. Стрелять она умела. У них в университете была военная кафедра, где из них готовили военных переводчиков. В курс входили не только изучение лексики и ведение двустороннего допроса пленного, но и строевая и огневая подготовки. Альбина до сих пор помнила неполную разборку автомата Калашникова за

семнадцать с половиной секунд. Сколько маникюренных ногтей было сломано за эти годы. В курс входила также и стрельба из пистолета. На удивление Аля стреляла неплохо. Ей даже сказали, что, если она бы захотела заниматься стрелковым спортом, то могла бы добиться хороших результатов. Никаким спортом она тогда не занялась, но, когда свекор принес пистолет, она попросила мужа немного пострелять с ней, чтобы вспомнить. Посмеиваясь, он все-таки повел ее в тир и был удивлен результатами.

Но сейчас ей, по-видимому, придется стрелять почти в упор, так что основной трудностью будет отвлечь внимание и вытащить пистолет. Да еще и момент выбрать, чтоб людей поблизости не было. Хотя вряд ли вообще в парке будут люди, не то время года, чтобы гулять там. Да и «их место» в этом отношении было очень удачным. На одной из боковых аллей парка кусты отступали, образуя широкую полукруглую нишу. В центре полукруга почему-то стояла на высоком постаменте скульптура оленя. Вокруг по периметру стояли скамейки. Аля и Лена обычно садились на скамейку позади оленя, и их совсем не было видно проходившим по аллее. Да и проходили там не часто, так как парк был большой, и аллей было много.

Значит, место есть, оружие есть, что же еще? Сумка проверена, никаких документов, чеков, квитанций, кошельков. Бутылка коньяка, шоколад, пачка печенья, сигареты, зажигалка, все самое обычное из обычных магазинов. В боковом карманчике немного денег. Конечно, может быть, все эти предосторожности не понадобятся, и ей не придется решаться на самое страшное, но надежды на это мало. Даже если Ленка потребует немного денег, все равно, шанса тажикам платить нельзя, потому что это станет только началом.

Итак, главное не оставить следов. Хорошо, что сейчас холодно, перчатки на руках выглядят естественно. Пачка с сигаретами, бутылка, коробка с печеньем вытерты, хотя их Альбина собиралась унести с собой и выбросить далеко от места убийства.

Теперь нужно поплотней укутать лицо шарфом, как будто бы от холода и можно выходить. На автобус садимся не на своей остановке, а на следующей. Хорошо, что она все продумала давным-давно. Сейчас, когда у нее дрожат руки и ноги, вряд ли бы она что-то сообразила и допустила бы ошибку. А этого быть не должно. Она ведь мать семейства, дама из хорошего общества, девушка из приличной семьи, и, что там еще, да, жена, если не богатого, то вполне состоятельного человека.

Несмотря на весь ужас своего положения, Альбина не могла не посмеяться над собой. Знала бы ее заботливая маменька, что сейчас придется сделать ее любимой дочке. Да, что там маменька. Знал бы это ее дорогой муж, или не дай бог дети. Вот Виктория Сергеевна вполне бы одобрила ее поступок. Она ведь и сама борец. Альбина всего лишь ее достойная ученица. Но именно Виктории Сергеевне знать об этом нельзя, потому что она никогда не простит Альбину за то, что она сделала двадцать лет назад. И Саша никогда не простит. Возможно, только свекор встал бы на ее защиту. Он всегда относился к ней с особенной теплотой, но и он не должен ничего знать, даже не ради ее самой, а ради другого горячо любимого ею человека. Так что никто не должен знать, и ошибок, поэтому быть не должно, и их не будет.

На остановке Альбина внимательно оглядела толпу. Вроде бы знакомых нет. Слава богу, это Москва, а не Херсон. Здесь никто никого не знает, и никто никем не интересуется. Благослови боже эту бегущую равнодушную толпу. Никто не сможет опознать Альбину, если дело дойдет до этого.

В автобусе она продолжала вглядываться в лица окружавших ее людей. Вот все они спокойно едут по своим делам, и никому в голову не приходит, что они едут в одном автобусе с убийцей. Впрочем, пока она еще такая, как все, обычная милая женщина, симпатичная и хорошо выглядящая для своих лет. Ей еще не надо ни от кого прятаться, никого обманывать. Вот когда она поедет назад, она уже будет убийцей. Ей надо будет кружить по городу для того, чтобы выбросить улики в разных местах. Потом нужно будет что-нибудь придумать для своих домашних, чтобы объяснить, почему нет обеда, а если она придет очень поздно, то надо еще

придумать, где она была и почему так задержалась. Но это будет не так трудно сделать. Например, ходила по магазинам, искала себе подарок. Скоро ее день рождения, у нее почти круглая дата, и муж и дети торжественно ей объявили, что она должна выбрать себе что-нибудь замечательное, а Альбина также торжественно им пообещала, что не пожалеет ни времени ни здоровья, но найдет себе что-нибудь именно такое. Какая же у нее хорошая семья! Почему только ей нужно заплатить за нее такую страшную цену? Хотя, наверное, так и должно быть. Жизнь так устроена, что ничего не дается даром. Бери, что тебе нужно и плати. Интересно, кто это сказал?

Господи, о какой же ерунде я думаю, сама себе удивилась Альбина. Я должна сосредоточиться и думать о том, как все сделать быстро и незаметно и поскорей исчезнуть из этого парка навсегда. Правда, теперь он, наверное, будет снится мне всю жизнь. Что ж, пусть так, овчинка стоит выделки.

Так, автобус приехал. Теперь нужно пересесть на метро. До конца старой жизни и начала новой еще целых полчаса. Так для приговоренного к смертной казни время, растягивается, и он с облегчением думает, что до роковой минуты еще очень много времени, еще целых полчаса. Где же я об этом читала? Ну, вот, опять ерунда. Нужно сосредоточиться. Что же я должна ей сказать, когда увижу? Первые слова самые важные. Они должны прозвучать очень естественно. Только где же взять силы, чтобы их произнести?

Альбине вдруг стало так жалко себя, что она чуть не заплакала. Нет, нет и нет. Никаких слез. Она сильная женщина, она борец, и она сделает все, что ей нужно сделать.

Вот и поездка в метро окончилась. Теперь переходим улицу, входим в парк. Вот и аллея. А вот и их милый дорогой олень. Все так и стоит себе на прежнем месте, гордый и красивый. Где же Лена? Какая-то женщина стоит возле постаментов. Неужели это Ленка? В первый момент Альбина испугалась. Возле оленя стояла толстая грубая баба. Таких они в молодости называли колхозницами и презрительно усмехались им вслед. Баба была одета в дешевую китайскую куртку, под которой виднелись надетые друг на друга куча свитеров. Дешевые обвисшие джинсы, грубые стоптанные сапоги вязаная шапочка какого-то буро-малинового цвета. Но самое главное, лицо. Расплывшиеся черты, грубая обветренная кожа, жирная с черными точками. Из-под шапки выбиваются плохо покрашенные волосы, руки с обломанными грязными ногтями. Что же сделали время и жизнь с ее хорошенькой веселой подружкой? Острая жалость сдавила ей горло. Глаза наполнились слезами. Все пережитое волнение, бессонные ночи, ужас от того, что ее ожидало, все это вдруг прорвалось в слезах и крике.

– Лена, Леночка, подружка моя дорогая.

Неожиданно для себя Альбина, рыдая, бросилась к Лене, обняла ее и стала целовать. Ленка всплеснула руками и тоже, зарыдав, прижала к себе Альбину. Так они и стояли и плакали, позабыв на миг, с какими страшными целями пришли сюда и помня только свою дружбу, свою общую юность, свою нежность друг к другу.

Но порыв прошел. Ленка первая пришла в себя и, отодвинувшись и вытерев слезы, стала внимательно осматривать Альбину. Взгляд был цепкий, оценивающий. Альбина невольно поежилась. Одежда то она просто, но как скроешь ухоженное молодое лицо, блестящие волосы, стройную фигуру.

– Хорошо выглядишь, – задумчиво сказала Ленка. – Видно, хорошо живешь.

– Ты тоже ничего, – с трудом выдавила из себя Альбина, стараясь, чтобы ее слова прозвучали не слишком фальшиво.

– Ладно, чего уж там, – махнула рукой Ленка. – Я сама знаю, как я выгляжу. Но мне на это наплевать, я своей жизнью довольна.

По плану я должна ее напоить, вспомнила Альбина и сказала:

– Ой, ну давай же выпьем за встречу.

Она вытащила бутылку и стаканчики.

– О, коньяк, – обрадовалась Ленка, – Видно точно хорошо живешь.

Альбина разлила коньяк. Ленке полную рюмку, себе чуть-чуть, стараясь, чтобы подруга этого не заметила. Но Ленка и не думала обращать внимание на такие пустяки. Она с жадностью схватила стаканчик, быстро сказала, ну, будем здоровы, и тут же залпом выпила, не заметив, что Альбина только пригубила свой стакан. Они закусили шоколадкой, и Ленка тут же налила себе еще. Альбина удивилась. Раньше Ленка не пила и вообще была к спиртному равнодушна. Неужели она пьет?

Выпив второй стакан, Ленка расчувствовалась.

– А помнишь, как мы с тобой отмечали твой день рождения? Купили бутылку коньяка, выпили всю, а потом тебя всю ночь тошнило?

– Да, а как мы без конца бегали смотреть этот испанский фильм с Рафаэлем, и все девчонки с курса были влюблены в него, – тоже подхватила Альбина, забыв обо всем и переносясь в прошлое. – А тебе мама прислала его фотографию, и все тебе завидовали.

– Да, а Сережка Машенко украл ее у нас, чтобы похвастаться перед девчонками из общежития...

– А ты успела вытащить ее у него из книги, куда он ее спрятал, нарисовала на бумаге дулю и вложила туда.

– Ага, а он прибежал в общежитие в комнату к девкам и закричал «Девочки, смотрите, я вам Рафаэля принес!» и вытащил дулю. Девки потом рассказывали, что у него было такое лицо. Над ним смеялась вся общага, а он потом с нами не разговаривал.

– А помнишь, как мы пошли в общагу вызывать духов? Выключили свет, сидели в темноте, а Верка вызывала дух своей бабушки.

– Да, а от страха все перепутала и вместо «дух святой Феклы, выйди», сказала «дух святой Свеклы, выйди». Мы начали смеяться, а она ничего не поняла и опять «дух святой Свеклы». Мы от смеха все попадали под стол, и так у нас ничего и не получилось.

– А помнишь, как мы пошли к Лерке Гинзбург готовиться к экзамену ночью, а это как раз была ночь под Рождество, и мы гадали на пепле? В двенадцать часов ночи зажгли газету на блюде и держали перед свечой, а блюдо лопнуло, и пепел разлетелся по всей кухне, и мы вместо того, чтобы учить, мыли стены и пол до двух часов ночи.

– А потом пошли к ней в комнату, и мы с тобой сели вместе на один край диван-кровати, а он был поломанный, и другой край поднялся и смахнул со стены все картины, полки и все, что стояло на полках, и все это с таким грохотом упало и разбилось.

– И мы еще тоже упали на пол, а диван перевернулся и накрыл нас сверху, и мы так орали с перепугу, и, вообще, шум был такой, что все повскакивали и сбежались. А мы чуть ли не до утра все убрали.

– А бабушка ее все причитала, где ж это их Лера таких диких подруг себе нашла, что весь дом перевернули и нормальным людям спать не дают.

– А помнишь, как мы уезжали с курского вокзала, и ты везла своей тетке шведский парик. И ты положила вещи в автоматическую камеру хранения, а дежурный милиционер там все время орал нам «закрывайте код, закрывайте, чтоб никто не видел», и ты так закрывала, что и сама не поняла, что ты там набрала. А потом нам пришлось писать заявление в милицию, чтобы нам открыли камеру, описывать вещи, а поезд уже уходил, и ты написала про парик, шведский, модель 202, и он открыл чемодан, сразу увидел коробку с париком, и быстро отдал тебе вещи.

– Надо же, какая у нас была, оказывается, бурная молодость, – вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Альбина.

– Ну, давай за нее и выпьем, – тут же подхватила Ленка, наливая себе третий стакан.

Боже мой, она и вправду пьет, с ужасом подумала Альбина, начиная приходить в себя. И снова противная дрожь внутри напомнила ей о страшном настоящем.

Ничего, это даже хорошо, что она напьется. По крайней мере, мне будет легче действовать, так, чтоб она не заметила, пронеслось в голове у Альбины. И тут же она ужаснулась. – Неужели же я и вправду собираюсь ее убить, мою подругу, пусть и бывшую? Как же я дошла до такой жизни? Да, я, наверное, просто не смогу это сделать.

И вдруг в ушах зазвучал спокойный голос Виктории Сергеевны.

– За свою жизнь нужно бороться, Аля. Жизнь женщины – это ее семья, муж, дети. Это только со стороны кажется, как хорошо, например, у меня все сложилось. Красивый любящий муж, обеспеченная жизнь, хороший сын, все так легко, благополучно. А на самом деле вся моя жизнь – борьба. Может быть, потом я тебе расскажу, на что мне приходилось идти, чтобы спасти и удержать все это. И я считаю, что я была права. Я отстаивала свое право на счастье.

Да, Виктория Сергеевна, вы правы, и я тоже буду права, чтобы я не сделала. Я борюсь за свое право на счастье, и не только за свое, тут же мысленно прибавила она. А вслух сказала, стараясь, чтоб ее подруга не заметила, что пьет одна.

– Ну, рассказывай, как ты живешь. Я же ничего о тебе не знаю. Ты мне бросила писать после того, как написала, что у тебя родился сын. Где он теперь, и где твой муж? Здесь с тобой?

У Ленки вдруг стало злое холодное лицо.

– Муж? Муж объелся груш, – с ненавистью сказала она. – Только здесь его мне и не хватало. Нет, пусть уж этот слизняк сам выкарабкивается, как может. Хватит, достаточно я на него уродовалась.

– Погоди, я что-то ничего не понимаю. Вы ведь поженились по большой любви, и ты писала такие восторженные письма...

– Потому, что я была дурой. Хотя нет, вначале действительно все было хорошо, а потом...

* * *

Лена познакомилась с Виталиком, когда вернулась в Москву в университет на третий курс. Альбина тогда была в академическом отпуске дома в Херсоне с маленьким Сашенькой, поэтому Лена оказалась в Москве одна. Виталика она встретила на вокзале. Еще на перроне к ней подошел высокий блондин и спросил, не москвичка ли она.

– Конечно, москвичка, – надменно ответила она. – А в чем дело?

– Понимаете, – смущенно сказал парень, – Я первый раз в Москве, даже не знаю, как выйти из вокзала.

Лена внимательно оглядела парня. Он казался интеллигентным и очень симпатичным.

Ну, идемте, – милостиво кивнула она ему. Они пошли вместе. По дороге парень рассказал, что закончил высшую мореходку, живет во Владивостоке, и теперь будет работать там, ходить в загранку, в основном, в Японию. В то время профессия моряка была одной из самых престижных. Человек имеет возможность бывать за границей, привозит шикарные импортные вещи семье и на продажу, получает чеки для отоваривания в специальных магазинах, а тут еще и высшая мореходка. И парень очень симпатичный, такой застенчивый, на нее смотрит с восхищением.

В общем, в тот же вечер они отправились смотреть Москву вместе. Виталик пригласил Лену в ресторан, где заказал одно из самых дорогих блюд, морское ассорти, куда входили черная икра, креветки, устрицы. Лена была очарована. Ее московские кавалеры были куда прижимистей и расчетливей. Во всяком случае, они не водили ее в такие дорогие рестораны, а, в основном, покупали бутылку недорогого вина и распивали ее у кого-нибудь на квартире или в общежитии. Даже дети состоятельных родителей посещали только недорогие кафе, во всяком случае, когда с ними была Лена. Кстати, они не гнушались и брать деньги у нее, если им не хватало расплатиться, а если уж платили сами, то считали, что теперь она обязана расплатиться с ними натурой.

А тут парень так непринужденно заказывает икру, ведет себя так вежливо, смотрит на нее с обожанием, и ничего себе не позволяет. Такого у Лены еще не было.

Конечно, на следующий день они встретились снова. Лена показывала ему столицу, а вечером он пригласил ее в гости к своему двоюродному брату, у которого он остановился.

Двоюродный брат Виталика, Леша, жил в непрестижном районе новостроек в малогабаритной 3-х комнатной хрущевке. Он был физиком, кандидатом наук и работал в каком-то НИИ младшим научным сотрудником за нищенскую зарплату. Его жена, Маша, имела не менее безденежную профессию искусствоведа и также была кандидатом наук. Им было по сорок, и их молодость прошла в 60-е годы, когда в моде были романтика и презрение к погоне за деньгами. Тогда ездили не за заработком, а за туманом и за запахом тайги. Также очень модно было петь под гитару у костра, читать андеграунд и вести на кухне диссидентские споры.

Времена переменялись, но Леша и Маша остались прежними. Их квартира была обставлена более чем скромно, но, конечно же, полки ломились от книг, хотя, в основном, по физике и по искусству. Художественная литература же была представлена историческими романами, биографиями каких-то ученых и заумными философскими произведениями. Естественно, ни одного детектива, ни одного романа, вообще ничего читабельного, как определила Лена.

Дожив до сорока лет, они ничего ценного не нажили, даже детей не смогли сделать, зато остались молоды душой и на следующий день собирались уехать плыть с друзьями на байдарках по каким-то горным рекам, ночевать в палатках, создавать дымом костра уют и вообще наслаждаться романтикой.

Утонченная интеллигентная Маша оказалась радушной, хотя и не очень умелой хозяйкой. В квартире не было никакого уюта, но хозяева этого не замечали. Они были выше этого. Презрительно усмехаясь про себя, Лена тут же взяла на себя роль хозяйки, и очень скоро Маша с облегчением помогала ей ставить на стол разнокалиберную посуду и делать салаты из того, что нашлось в холодильнике.

По дороге к брату Лена и Виталик заехали в торгсин, как тогда называли специальные магазины для моряков заграничавания. Там Виталик, не считая денег, а верней специальных чеков, накупил всяких деликатесов, чем окончательно покорила Лену.

Маша и Леша на деликатесы не обратили никакого внимания, они опять-таки были выше этого. Мирские блага не вызвали в них душевного трепета. Они ценили только духовную пищу, и, конечно, жили не для того, чтобы есть, а ели, для того, чтобы жить. За столом, в основном, говорили они. В начале Лена и Виталик пытались тоже что-то сказать, а потом поняли, что их никто не слышит, и замолчали, предоставив хозяевам рассуждать о науке и искусстве. Потом и они перестали слушать хозяев, а только смотрели друг на друга, ощущая все растущую симпатию.

Когда ужин закончился, была уже поздняя ночь, и Маша, даже не спрашивая, постелила им в свободной комнате, и Лена с Виталиком неожиданно для себя оказались в одной постели.

Виталик сначала деликатно предложил ей лечь одной, а он будет ночевать в кресле, но потом стал целовать ее, и, конечно же, все кончилось ночью любви. Он оказался очень нежным и внимательным. Из деликатности Лена в начале скрывала свою опытность, но под утро забыла об осторожности, и не очень искушенный в постельных делах Виталик был совершенно покорен. Утром он смотрел на нее с обожанием, и, по-видимому, был готов идти за нею на край света. Леша и Маша еще в шесть утра уехали в свой байдарочный поход, оставив им записку, в которой написали: «Когда будете уезжать, бросьте ключ в почтовый ящик». И все.

– Простые, как хозяйственное мыло, – сделала заключение, обладавшая чувством юмора Лена, а Виталик принял факт предоставления им квартиры как должное.

Они остались там жить, и неделя страстной и нежной любви окончательно доконала Виталика. Лена постаралась показать себя с самой лучшей стороны: готовила еду, была нежной и

заботливой, практичной и одновременно трогательно незащитной. В конце недели Виталик сделал ей предложение. Он уже не мыслил себе жизни без нее.

Лена думала всего полдня. Жизнь становилась все хуже. Дома отец понемногу спивался. Мать была занята своей карьерой и, по-видимому, завела молодого любовника, так как стала особенно заботиться о своей внешности. Так что от родителей в будущем тоже ничего хорошего ждать не приходилось.

Конечно, о Москве придется забыть, но ведь и так особых перспектив остаться в ней не было. К тому же Лене стали надоедать ее расчетливые неблагодарные ухажеры. Никто из них не относился к ней с такой нежностью. В конце концов, лучше быть женой моряка заграничавания во Владивостоке, чем никем в Москве, или еще хуже в Запорожье. В общем, Лена решила и, мило смущаясь, также призналась Виталику, что полюбила его с первого взгляда и согласна стать его женой.

Еще через два дня они уехали в Запорожье к Лене домой. Ее родителям Виталик понравился. Отцу потому, что моряк хоть и не совсем военный человек, но все-таки не совсем и штатский, дисциплину понимает, форму носит, в общем, лучше, чем какой-нибудь интеллигентик-инженер или не дай бог учитель.

Лениной маме также пришелся по душе симпатичный высокий блондин.

– Он очень милый, – сказала она Лене свое мнение. – Я думаю, это то, что тебе надо.

Как моряку дальнего плавания, Виталику не нужно было ждать обязательный месяц, пока они смогут расписаться. Они поженились через неделю, а еще через пять дней уехали во Владивосток.

Родители Виталика оказались простыми сердечными людьми. Лену они встретили с радостью. Красивая, молодая, из хорошей семьи, к тому еще учится в университете. Что еще надо?

Лена, конечно, как всегда прикинулась ангелом, нежным и беспомощным, но пылко желающим угодить любимому мужу и его дорогим родителям. Посмеиваясь про себя, она то и дело спрашивала милым голоском советы по хозяйству у матери Виталика, потом старательно их выполняла, чем совсем очаровала ее. Отец Виталика сразу стал называть ее дочкой и всячески внушал сыну, чтобы он не обижал свою маленькую женушку.

Жили родители Виталика в небольшой двухкомнатной квартире, поэтому молодые сразу же сняли себе квартиру в соседнем доме. Лена перевелась на заочное отделение поближе к своему новому дому и устроилась на работу в школу. Как ни странно в школе ей сначала понравилось, да и справлялась она с учениками неплохо. Мальчики из старших классов сразу же влюбились в нее. Девочки же восхищались ее внешностью, платьями и косметикой.

Среди учителей к Лене было двойственное отношение. Пожилые учительницы покровительственно отнеслись к молоденькой неопытной девушке, давали ей советы, успокаивали. Те, что были помоложе, с завистью и неодобрением смотрели на столичную штучку, провожали неприязненными взглядами, холодно встречали ее попытки завязать приятельские отношения. Немногочисленные учителя-мужчины были едины в своем восхищении. Они стали следить за собой, подтянули животы, начесали волосы на лысины, что еще больше усилило неприязненное отношение к ней со стороны женщин.

Кульминацией стал вечер встречи выпускников, который состоялся через месяц после начала Лениной работы в школе. Выпускники 25-летней давности вдруг затеяли встречу в школе, где их давно уже никто не помнил. Но они сами все организовали, накрыли стол, принесли музыку и пригласили всех учителей школы. В их время мальчики и девочки учились в школе раздельно. Это был класс мальчиков. Поэтому съехались одни мужчины. Все разведенки и старые девы школы приободрились и, приодевшись и подкрасившись в меру своих сил, прибыли на вечер. Но всем им пришлось пережить большое разочарование. Лена, даже еще не родившаяся в тот год, когда выпускники оканчивали школу, тоже была приглашена на встречу, и, когда она появилась, мужчины уже больше никого не замечали. Возле нее выстра-

ивалась очередь, желающих пригласить ее на танец, и Лена, которой уже изрядно надоело быть милой и приветливой в ответ на откровенно хамское к ней отношение, назло всем кокетничала напрапалую и испортила вечер большей части женского состава школы.

После вечера она перестала обращать внимание на недружелюбных коллег и продолжала с энтузиазмом свою педагогическую деятельность. На уроках в младших классах она устраивала ролевые игры, что считалось передовым методом преподавания, но, увлекаясь, дети начинали громко говорить, кричать, и учителя стали жаловаться на шум на ее уроках. Учащиеся старших классов постоянно окружали ее на переменах, мальчики не отходили от нее. На уроках один из учеников 10-го класса садился на первую парту возле ее стола и демонстративно вздыхал. На переменах он подходил к ней и спрашивал: «Что мне делать? Я люблю учительницу, а она меня не замечает. Дайте совет». Сначала это льстило Лене, но потом он ей надоел, а его навязчивость стала пугать. Учителя начали поговаривать о ее недопустимом панибратстве и заигрывании с учениками, хотя Лена считала, что она просто по-дружески относится к ним. Между ними и ею и разница в возрасте была небольшая, и Лену часто принимали за ученицу. Однажды, когда у нее был второй урок, она пришла в школу в конце первого урока, Строгий завуч, проболевший все первые недели и не знавший Лену в лицо, сделал ей замечание, что она опоздала на урок, и потребовал дневник. Вся школа долго смеялась над этим.

В другой раз на перемене старшеклассник, выше ее на две головы, в ответ на замечание сделал ей козу и сказал: «Утю-тю, маленькая». А какой-то шеститиклассник, не разглядев в ней учительницу, попросил: «Девочка, дай 10 копеек». Когда Лена огорченно рассказывала об этом в учительской, учительница физики, 40-летняя Алла Ивановна ей сказала:

– Да если б мне кто-нибудь сказал «девочка», я б ему рубль дала».

Но все-таки Лене было очень одиноко, и, когда, наконец, от Виталика пришла телеграмма: «Вошли в Союз, приезжай встречать», она очень обрадовалась. Женам моряков полагался отпуск в любое время, и к неудовольствию коллег, которые должны были ее заменять, Лена уехала встречать мужа.

Процесс встречи поразил и шокировал Лену. Когда судно стало подходить к причалу, женщины начали кричать, махать руками, потом с визгом полезли на палубу в сапогах на шпильках, в длинных шубах, волоча за собой сумки с едой. На палубе их подхватывали мужья и утаскивали в каюты. Там они закрывались, обуреваемые разными желаниями, мужья – затаскать их поскорей в койку, жены – добраться до заветных чемоданов с тряпками.

На палубе вновь начинали появляться назавтра во второй половине дня, и тут же превращали ее в барахолку. Вытаскивали тряпки, примеряли, обменивались, продавали.

Наконец, они уехали домой. Лена действительно была счастлива. Но и здесь ей не повезло. Она честно дожидалась мужа, но, тем не менее, соседи, многозначительно улыбаясь, говорили как будто бы в шутку Виталику: «Что ж ты оставляешь молодую жену так надолго одну?»

– А что такое?» – нервничал Виталик. – Что-то было не так?

– Да, нет, но ведь все может быть, – продолжали гнуть свое доброжелатели.

В конце концов, Виталик расстроился и решил, что им нужен ребенок. Тогда жене будет, чем заниматься. И вообще, что это за семья без детей? Лена, которой уже надоела ее работа в школе, согласилась, и, когда Виталик уходил в следующий рейс, ее уже тошнило. Теперь она стала готовиться к новой роли. Она уже побывала молодой женой, молодой учительницей, а теперь она будет молодой мамой.

Но все оказалось не так гладко, как хотелось. Во-первых, беременность протекала тяжело. Лену тошнило все девять месяцев, и к тому же ее постоянно мучила изжога. Она почти ничего не могла есть, а, когда появился живот, ее начала раздражать собственная неповоротливость и беспомощность. Она даже шнурки не могла завязать на туфлях, а Виталика опять не было рядом. Одна жить она не могла, и ей пришлось переехать жить к родителям мужа. Они были

счастливы в ожидании внука, старались как могли облегчить ее страдания, но только действовали ей на нервы постоянными уговорами то съесть что-нибудь, то пойти погулять с ними, так как ей нужно побольше двигаться, то посидеть с ними, поговорить, отвлечься. Но говорить ей с ними было не о чем. Гулять с таким животом и расплывшимся лицом тоже не хотелось. Больше всего ей хотелось, чтоб ее оставили в покое и, чтобы поскорей родить.

Наконец она родила мальчика. Виталик и его родители были в восторге, а Лена после родов была такой слабой, что не могла даже взять ребенка на руки. Когда она в первый раз вышла с ним погулять, у нее еще не было коляски. Ребенок показался ей совершенно непосильной ношей, и она, чуть не плача, была готова бросить его на землю. Хорошо, что свекровь вышла и забрала его, а то Лена бы не выдержала и положила бы его куда-нибудь. Врач и свекровь настаивали, чтобы она кормила ребенка грудью, но ей противно было сцеживать молоко, и она решила пить поменьше. В результате у нее почти не стало молока. Ромочка стал плакать по ночам. Он совершенно не поправлялся. Родители Виталика, которые днем были на работе и не знали, что Лена не пьет ни молока, ни воды, не понимали, что с ребенком, постоянно приставляли к ней с советами. Наконец, врач догадалась взвесить ребенка до кормления и после, и ее чуть не хватил удар. Ребенок еле высасывал 20 граммов вместо положенных 120. Бегом побежали за виталлактом, единственным в то время детским питанием. Ромочка жадно высосал бутылочку, и, наконец, спокойно уснул. После этого его перевели на искусственное питание, и Лена была счастлива. Слава богу, прекратились эти идиотские кормления. Но тут он простудился и стал кашлять. Ей пришлось лечь с ним в детскую больницу. Обслуживающего персонала не хватало, и мамам, лежащим с грудными детьми, вменялось в обязанность выполнять работу санитарки. Лене пришлось мыть раковины, полы, туалеты, и все это одновременно с ухаживанием за больным плачущим младенцем. Он плохо ел и ночью просыпался голодный, с криком, будил других детей. Лене приходилось хватать его на руки, бежать на больничную кухню, доставать из холодильника виталлакт, греть его, снова переливать в бутылочку. А чего стоило натянуть на бутылочку соску, которая все время соскакивала, да еще норовила улететь куда-нибудь подальше. И все это приходилось проделывать с орущим младенцем на руках посреди ночи. Ела она один раз в день, когда после работы приходили свекровь со свекром, а спала урывками на жестком топчане без постели. Ее соседка 17-тилетняя молодая мама, не выдержав, бросила своего 3-х месячного ребенка одного в больнице и ушла домой. Ребенок умер, но как ни странно муж с ней даже не развелся, и, по-видимому, они оба не очень и переживали. Лена, конечно же, оставалась с сыном, пока он не выздоровел. Когда они вернулись домой, намного легче не стало. Целый день она была одна с беспокойным ребенком. Правда, свекровь решительно взяла спасение внука в свои руки. Несмотря на протесты врача, она велела Лене варить ему манную кашу, и ребенок действительно стал поправляться. Но кашу ему приходилось варить очень долго, в течении сорока пяти минут, и теперь в редкие моменты, когда он, наконец, засыпал, Лена, проклиная все на свете, стояла у плиты, мешая манку. Настоящей мукой было и хождение с ним гулять. Они жили на 4-том этаже, лифта в доме не было, дорогую немецкую коляску с красивым купленным в торговине одеялом, нельзя было оставлять внизу без присмотра. Их бы немедленно украли, и Лена тащила вниз и вверх и коляску и ребенка одновременно.

Нередко дотащив их на четвертый этаж и войдя в квартиру, она совершенно обессиленная садилась на пол и плакала от отчаяния и усталости. Но все-таки она добросовестно старалась ухаживать за ребенком и делала все, что нужно.

Вечером, когда дед и баба приходили с работы, она могла бы отдохнуть. Но свекор привык, что жена должна поухаживать за ним и подать ему на стол все, включая вилку и ложку, даже если они лежали рядом, и нужно просто было протянуть руку. Этот ритуал соблюдался неукоснительно, и Лене вновь нужно было самой заниматься ребенком.

Но все кончается когда-нибудь. Приехал Виталик, стало подходить к концу строительство их кооперативной квартиры, на которую дали деньги и его и ее родители.

Когда Ромочке исполнился год, Лена на работу в школу не вернулась. Да и институт пришлось бросить, так как сессии вечно совпадали с болезнями ребенка. На семейном совете решили, что Лена работать не должна. Ребенок болезненный, ни о каких яслях речь идти не может. Он должен быть дома с мамой. Виталик привозил хорошие деньги, да и от продажи импортных вещей тоже был неплохой доход. Свекровь работала в кондитерском цехе, а так как в этой стране все, «что охраняли, то имели», она приносила домой сахар, масло, яйца, муку, молоко в количестве, достаточном на две семьи. У них на работе строго соблюдалась очередность: сегодня брала одна, завтра другая, хватало всем. Свекор, хотя и не имел никакого образования, работал слесарем-лекальщиком, считался одним из лучших специалистов и хорошо зарабатывал. Ленины родители тоже помогали им.

Лена решила больше детей не иметь. Она вставила спираль и вздохнула свободно. Рома подрос, перестал так болеть. Лена привела себя в порядок, снова стала стройной, красивой. Виталику она не изменяла. Во-первых, ей надоели любовники, которых у нее было так много еще в студенческие годы, а во-вторых, она поняла разницу между любовником и мужем. С любовником нужно было постоянно думать о том, чтобы понравиться ему в постели, не разочаровать его, сохранить за собой репутацию темпераментной женщины. Иначе он может просто исчезнуть. А с мужем можно было думать, как самой получить удовольствие, не стараясь особенно угодить ему. А если не хотелось удовольствия, то можно было спокойно думать о чем угодно, хотя бы и о том, что неплохо бы летом потолок побелить. Ей было лень заводить любовника, да и претендентов достойных не было. Ее Виталик был лучше всех, и Лена честно ждала его.

Наконец, Ромочка подрос настолько, что Лена начала искать себе работу.

Она решила, что лучше всего работать в магазине для моряков, в так называемом торговине. У нее установились хорошие отношения с продавщицами, и они обещали дать ей знать, если появится место. Но тут Лене опять не повезло.

Когда Роме исполнилось три года, она снова забеременела. Спираль не помогла. Такое случается довольно редко, но Лена оказалась среди неудачниц. Правда, она всегда очень легко беременела. Ее парень в Запорожье, от которого она сделала первый аборт, оправдываясь, говорил: «Ну, что я могу сделать? Тебе из-за угла покажи, и ты уже беременная».

Мало того, в начале беременности у нее продолжались месячные, вернее, просто мажались, и она считала, что так как у нее стоит спираль, это ничего не значит. Когда она спохватилась, что залетела, было уже поздно делать аборт. Врачи разводили руками, свекор и свекровь, мечтавшие о внучке, устроили скандал, узнав, что Лена хочет сделать аборт. Они настроили Виталика, и он тоже слышать не хотел об аборте. Вдруг ему срочно захотелось дочку. Лена была в ярости, но сделать ничего не могла. Пришлось оставить ребенка. Все девять месяцев ее опять мучили тошнота и изжога, но хотя девочка родилась здоровая, спокойная, и особых хлопот не доставляла, все равно с двумя детьми было тяжело. Когда Лена, с одним ребенком в коляске или на руках, и с другим, цепляющимся за руку, ходила по улицам, она сама о себе с горькой иронией думала: «Ну, вот, обвесилась детьми, как елка игрушками. Всю жизнь презирала куриц, квохчущих над своими сопливыми детьми, а теперь сама такая же».

Но все самое плохое было еще впереди. В стране началась перестройка, а вслед за ними и эпоха дикого капитализма. Пароходство, в котором работал Виталик, стало потихоньку разоряться. Зарплату задерживали, суда подолгу простаивали в портах. Задерживали и зарплату на заводе, где работал свекор, а кондитерский цех пекарни приватизировали, и нести оттуда уже ничего было нельзя. Лена пыталась убедить Виталика и его родителей, что нужно начать приспособляться к новой жизни, взять ссуду и открыть свое дело, например, пекарню или мастерскую, в которой Виталик и его отец могли бы работать вместе, но они ее и слушать не

хотели. И муж, и родители убедили себя, что это все временно, опять вернуться старые порядки, и государство снова станет регулярно платить им зарплату. Виталик, привыкший к своей престижной профессии, не хотел становиться простым мастером в какой-то мастерской.

– Вот увидишь, – говорил он Лене, – скоро все опять наладится»

Но ничего не налаживалось, и Лене пришлось самой зарабатывать деньги. Вспомнив, что она все-таки знает английский, она стала давать уроки. Английский язык был в цене. Новые русские отправляли своих отпрысков учиться в престижные школы в Англию и Америку. Так как у нее не было диплома, она брала дешевле за уроки, и у нее появилось много учеников.

Но дело это было очень неблагоприятное. Дети ленились, ходили на уроки нерегулярно, платили тоже не во время. Родители же считали, что если они платят деньги, то их дети должны немедленно заговорить по-английски. Но дети-то были все в родителей, а родители, в основном, были бывшими торговыми и партийными работниками, если вообще не ворами и бандами. Естественно, большинство учеников были тупыми и ленивыми. Родители же во всем винили учительницу. Однажды к ней на урок явилась мать одного ученика и заявила Лене, что она сама проконтролирует, как та ведет уроки, так как деньги ей платят, а толку никакого. Отсидев минут двадцать и послушав, как Лена в десятый раз повторяет ее ребенку слово «children» и в десятый раз слышит в ответ «chindrel», она не выдержала и сказала:

– Я лучше пойду, иначе я сейчас дам ему по голове и убью его.

У Виталика, наконец, совсем не стало работы. Целыми днями он ходил в поисках каких-то знакомых или друзей, которые могли бы помочь устроиться, но встречал тоже таких же безработных моряков как он. Он стал выпивать от отчаяния, а так как пить не привык, то быстро становился пьяным. Возвращаясь домой, он болтал чепуху, угрожал кому-то, а потом заваливался спать. От такой жизни он стал почти импотентом. Лена стала презирать его, а потом и ненавидеть.

Однажды, идя из магазина, она встретила знакомую по школе молодую учительницу. Та рассказала ей, что уже давно бросила школу и ездит челночницей в Китай. В Китае она за копейки закупает товар, цены там сказочно низкие, например, кроссовки стоят один доллар. Вещи, конечно, нестоящие, но она возит их в Ленинград, то есть, в Петербург, и там они очень хорошо идут. Вот накопит еще немного и откроет магазин, сама ездить перестанет, будет у других скупать. Лена слушала как зачарованная. Вот ведь люди не растерялись. Действительно, сейчас самое время зарабатывать деньги. Как их учили в школе, в начале капитализма еще можно пробиться. Потом будет уже поздно, все будет поделено. Но Виталик никогда не согласится ездить, так что придется браться за это ей самой.

Она взяла у Наташи номер телефона и пошла домой, обдумывая, что же ей делать. Помогать ей было некому. Ее отец к тому времени допился до инсульта и умер. Мать, всю жизнь занимавшаяся в своем институте очень важным и нужным исследованием неправильных глаголов английского языка, при капитализме, естественно, оказалась без работы. При социализме она получала приличную для того времени зарплату, при капитализме желающих оплачивать такую деятельность, не нашлось. Ленину маму отправили на пенсию, и она сама оказалась в бедственном положении. Всю жизнь, прозанимавшись исследованием грамматики английского языка, она не научилась давать уроки и никогда не видела вблизи живого ученика, и не знала, как его учить. Ленин брат, у которого жена очень кстати оказалась еврейкой, уехал в Израиль. Однако там тоже устроиться было непросто. Очень уж много понаехало специалистов с высшим образованием. Маленькому Израилю столько было не нужно. Сейчас он работал там совсем не по специальности, жена тоже, но матери каждый месяц высылал по 100 долларов. На эти деньги она и жила, постоянно жалуясь Лене в письмах на нищету.

В тот день, придя домой, Лена с удивлением обнаружила там трезвого мужа. Он ждал ее с нетерпением, чтобы рассказать свою новость. Он встретил одного из своих бывших сокурсников. Тот открыл мастерскую по ремонту лодочных моторов и предложил Виталику поработать

у него. Его дело процветало, он собирался расширяться и раздумывал, взять ли ему ссуду в банке или найти компаньона с деньгами.

Ну, что ж, подумала Лена, пожалуй, это судьба.

Она в свою очередь рассказала ему о Наташе. К ее удивлению он, подумав, сказал ей, что, возможно, это было бы неплохо. Если бы она смогла заработать достаточно денег, чтобы он стал компаньоном в мастерской, они бы встали на ноги, а, может быть, и разбогатели.

Супруги размечтались и до поздней ночи обсуждали открывшиеся возможности. Нужно было где-то раздобыть деньги на поездку и закупку товара. Решили продать кое-что из Лениных драгоценностей, подаренных ей родителями и самим Виталиком в благополучные дни. Виталик клялся, что больше не будет пить, а будет работать с утра до ночи, чтобы также заработать деньги. Родители помогут ему присмотреть за детьми, да и они сами уже взрослые. Дети, услышав, о чем говорят родители, тоже прониклись энтузиазмом. Им давно уже надоела нищета, и они с завистью рассказывали о богатых родителях своих одноклассников. Они клятвенно пообещали, что будут ходить в школу, убирать квартиру, готовить себе и отцу еду, слушаться бабушку и дедушку, и вообще все на свете, только пусть уже родители начнут зарабатывать деньги.

К утру все было решено и обсуждено, и Лена позвонила Наташе. Та обрадовалась, вдвоем все-таки веселей, и сразу дала ценные указания, что брать с собой, и как себя вести.

В целях безопасности челночники сбивались в группы, и более опытные учили новичков. Уже в первой поездке Лена поняла, что сама она не смогла бы ни доехать туда, ни вернуться обратно. Вначале она никак не могла привыкнуть к грязи, к многодневным задержкам на границе, когда негде было умыться, и приходилось спать, не раздеваясь, или вообще не спать, чтобы не украли вещи. Хорошо, что опытные люди знали, кому и сколько нужно дать, чтобы пропустили поскорей. Лена быстро поняла, что на одних можно кричать матом, а с другими нужно разговаривать почтительно, третьим же нужно сразу совать деньги.

В Петербурге Наташа постоянно останавливалась на одной и той же квартире. Хозяева, пытаясь выжить, сдавали свою трехкомнатную квартиру челночникам, а сами ютились у родителей. Во всех комнатах стояли кровати. С раннего утра челночники разбегались по рынкам, после обеда возвращались, ели, спали. Публика там собиралась самая разнообразная: бывшие учителя, инженеры, врачи, торговые работники. В общем-то, люди были все приличные; ни скандалов, ни ссор не заводили. Хозяин с хозяйкой следили, чтобы все было тихо, так как боялись соседей. На рынке Наташка тоже была своя. У нее там было постоянное место. Она показала Лене, кому заплатить, и Лена тоже получила место.

На удивление товар распродался быстро. Довольная Лена поехала домой после всех мук, наконец-то отдохнуть. Еще пару таких поездок, и можно будет внести пай за мастерскую.

Но дома все оказалось не так, как планировали. Виталик залез в долги. Он, правда, не пил, но хозяйничать не умел совершенно. Дети покупали, что хотели, и деньги, что Лена оставила им на хозяйство, быстро ушли. На Ленины расспросы, куда делись деньги, Виталик только виновато разводил руками, Дети тоже не могли толком ничего сказать. Привыкшие в прежние времена жить на широкую ногу, они не умели экономить и не понимали, как тяжело Лене достались те деньги, которые она привезла.

Свекор и свекровь встретили Лену недовольным бурчанием. Где ж это видано, чтобы мужняя жена оставила мужа и ездила по свету неизвестно с кем. Дома нужно сидеть, за детьми смотреть и за мужем.

Лена махнула на них рукой, заплатила долги и снова поехала торговать. Но толку от этого было мало, Все уходило на хозяйство, как в бездонную бочку. Да и Виталику постепенно надоели поездки жены. Он стал настаивать, чтобы она прекратила ездить, но Лена упрямо продолжала свои вояжи. Она решила часть денег припрятывать и собрать на магазин или киоск.

Постепенно она втянулась и стала не всегда заезжать между поездками домой, чтобы скорей обернуться с товаром. Себе она говорила, что делает это для того, чтобы побыстрее насобирать денег и осесть дома, но на самом деле ей начала нравиться эта жизнь. Дома непрерывные скандалы с мужем и его родителями, уборка, готовка, мелочная экономия, а здесь раздолье, новые люди, свободные деньги. Она все меньше и меньше денег привозила домой. Все равно растратят. Виталик встречал ее молча. Он больше не уговаривал ее остаться дома. Свекор и свекровь с ней вообще не разговаривали. Дети привыкли обходиться без нее и встречали ее равнодушно.

Постепенно Лена и сама отвыкла от дома. Как раз в это время она и встретила Олега. Олег был младше Лены. В то время ему было только двадцать пять, но он успел перепробовать многое в попытках разбогатеть. Слишком осторожный и порядочный, чтобы связываться с криминалом, он все-таки пытался добыть деньги сравнительно честными путями. Благодаря своему твердому и решительному характеру, он тут же стал признанным лидером группы челночников, с которыми разъезжала Лена. Наташа к тому времени уже перестала ездить. Накопленных денег ей хватило, чтобы открыть магазинчик, и Лена теперь ездила одна.

Олег сразу же обратил на нее внимание. Конечно, она выделялась среди торговки и забитых жизнью учительниц и медсестер и внешностью, и умом, и остатками интеллигентности. Он сделал ее своей помощницей, а затем она стала и его любовницей. В Лене вновь проснулась вся ее бывшая влюбчивость и темперамент. Олег был красавец, настоящий мужчина, и еще Лене льстило, что он моложе ее. Олегу же для дальнейших планов была нужна помощница. Да и вдвоем они быстрее накопят денег на свое дело. Он уговорил Лену вообще не посылать денег домой. «Все равно прос...т» – говорил он ей. – «А вот когда ты встанешь на ноги, разбогатеешь, они тебе еще спасибо скажут». Лена, в общем-то, легко дала себя уговорить. По сравнению с Олегом муж казался ей старым и бесцветным. Да и дом и дети уже остались где-то в далеком прошлом, Почему бы немного не пожить для себя? А когда будут хорошие деньги, то и детям будет хорошо. Но в глубине души она понимала, что назад пути уже не будет.

Еще два года они проехали с Олегом и, наконец, решили, что уже пора перестать ездить, и можно начать скупать товар у других. Торговать пока можно продолжать на базаре, пока они не смогут достичь своей главной цели открыть магазин. Месяц назад они перебрались в Москву. Теперь они торговали здесь, и Лена стала искать Альбину.

* * *

«Ну, вот, – закончила она свой рассказ, – так и живем». И с вызовом добавила:

– Очень здорово живем, между прочим. Мне нравится такая жизнь. Мы снимаем сейчас квартиру целой компанией. Встаем в пять утра, идем на базар, торгуем до обеда. Потом идем домой, по дороге покупаем еду, бутылку, садимся все вместе обедать, выпьем, поговорим, посмеемся, В общем, весело. Вечером тоже выходим иногда куда-нибудь. Олег у меня такой молодец, с ним не заскучаешь, да и мужик настоящий, не то, что этот импотент, мой муж.

– Но как же дети там одни, без тебя? – с ужасом спросила ее Альбина, чья нежная душа не могла принять такое. – Ведь им нужна мама, они же сейчас в таком опасном возрасте. Да и Виталик ведь все-таки тебе муж, ты же любила его когда-то.

– Муж, объелся груш, – снова со злобой сказала Лена. – Ты бы сама попробовала пожить с таким никчемным мужем. Тебе хорошо, твой-то вовремя сориентировался, и папочка помог, небось. У вас ведь своя фирма. Тебе хорошо на всем готовом быть идеальной женой и матерью, а ты попробуй, как я самой крутиться, да еще мужа ни на что не годного кормить.

Какая-то правда в ее словах была. Альбина действительно жила как бы отгороженной от житейских бурь мужем и свекром, твердо стоявшими на ногах, благодаря связям, деньгам и умению приспособливаться.

– Но все-таки, как же дети? – робко повторила она.

– Что дети? Они присмотрены. Там и бабушка, и дедушка, и папочка, который их очень любит, ничего для них не жалеет, все мои деньги, с таким трудом заработанные, на них тратил. Теперь пусть сам покрутится. Ничего с ними не случится. Свекровь моя теперь поуменела. Печет торты на продажу, свекор мастерскую открыл, что-то там чинит, Виталик работает. Так что с голоду никто не умирает. Можешь за них не переживать, жалостливая ты моя.

Лучше не злить ее, подумала про себя Альбина и решила переменить тему разговора.

– Ну, и что ты сейчас собираешься делать? – с притворным интересом спросила она.

Но Лена уже смотрела на нее с ненавистью.

– Сейчас? Сейчас я собираюсь открыть магазин в Москве, и я хочу, чтобы ты мне помогла.

– Я? Но чем же?

– Видишь ли, мы хотим открыть шикарный бутик. Не торговать там какой-то дрянью, а настоящим эксклюзивом. Кое-какие деньги у нас есть, но не думай, что так уж много, так что нам придется расходовать их очень экономно. У нас уже все продумано. Прежде всего, мы хотим оторваться от этих базарных торгашей. Для этого нам нужна квартира, и мы думаем, что ты вполне можешь нам помочь купить ее.

– В каком смысле помочь? – нервно спросила Альбина, все еще не веря, что ее подруга способна на такой безжалостный шантаж.

– Помочь подыскать тебе квартиру?

– Нет, дорогая, не притворяйся. Ты прекрасно все понимаешь. Я хочу, чтобы ты убедила своего мужа купить мне квартиру.

– Ты сошла с ума, – ахнула Альбина. – Как это вдруг я скажу ему, что он должен купить квартиру моей подруге? И за какие деньги?

– Не волнуйся, все продумано. Во-первых, это только так звучит «квартира». На самом деле я прошу только одну комнату, всего одну, можно в любом районе, но, конечно, отдельную, со всеми удобствами и хотя бы восемнадцать метров.

– Но это невозможно. Он никогда в жизни не согласится. Даже слушать не станет.

– А это уже твоя проблема. Убеди его, скажи, что я прошу вас одолжить мне деньги на квартиру, скажем, на год, а потом я, может, и в самом деле отдам. Кто знает, если дела пойдут хорошо, может быть, для меня эти деньги будут ерундой.

– Но для нас это совсем не ерунда. Мы вовсе не миллионеры.

– Я знаю, что не миллионеры, но ведь и не бедные. У твоего мужа охранная фирма и детективное бюро. Я даже знаю, что у него двухэтажный офис. Прежде, чем позвонить тебе, я все разузнала.

– Как?

– Когда я приехала в Москву, то сразу стала искать тебя. Фамилию я помнила, но ни в телефонном справочном, ни в адресном бюро сведений о вас не давали. Все засекречено, и ты думала, что я тебя не найду. Но я не такая уж дура. Я стала искать кого-нибудь из нашей группы, кто бы мог знать твой адрес, и нашла Лерку Гинзбург. Она живет в квартире своего дедушки, и телефон по-прежнему на его фамилию. Я позвонила ей, мы с ней поговорили. Она дала мне телефоны почти всех девочек, которые остались в Москве, и в том числе и твой. Она же мне и рассказала, чем занимается твой муж, даже назвала улицу, где его контора находится. Мы с Олегом там побывали, и все посмотрели.

– С Олегом? – в ужасе отшатнулась Альбина. – Боже мой, ты ему все рассказала?

– Ладно, не бойсь, ничего я ему не сказала, и он со мной не ходил. Я только сказала ему, что у меня есть подруга, которая мне очень многим обязана, в частности, своим семейным счастьем, и она может купить нам однокомнатную квартиру.

– Ты врешь, – с отчаянием сказала Альбина. – Ты ему все рассказала. Как ты могла?

– Да что ты все заладила «рассказала, рассказала». Да если бы он знал хотя бы твое имя, он бы давно уже сам пришел к тебе и потребовал не одну комнату, а три. Но я трезво оцениваю твои возможности, и лишнего не прошу. Да, квартира должна быть оформлена на мое имя.

– Послушай, но ведь это же шантаж. Как ты можешь? Мы же дружили с тобой.

– Да, и если бы я этого не помнила, я бы знаешь, что от тебя потребовала? А так я прошу всего лишь такую малость, и к тому же, может быть, и верну эти деньги. Я совсем не такая уж дрянь, но у меня нет другого выхода. Я тоже хочу пожить по-человечески. Знаешь, как я устала от вечной бездомности, холода, грязи?

– Но у тебя есть дом. Почему бы тебе не вернуться к мужу и детям?

– Все, – отрезала Лена. – Хватит давать мне советы. Я сама знаю, что мне надо. А вот тебе нужно убедить твоего мужа помочь твоей любимой подруге, которая находится в тяжелом положении. Если нужно будет, я приду и поплачу у вас на кухне. Не волнуйся, оденусь прилично и буду изображать из себя ангела. Ты же знаешь, я это могу, если захочу.

Да уж, Альбина это знала. В свое время она приложила немало усилий, чтобы Саша ни разу не увидел ее лучшую подругу. Она никогда не знала, чего ожидать от Ленки. Попадет ей вожжа под хвост, и она наболтает ему все, что угодно, запросто опишет все свои любовные похождения, а потом и о ней, Альбине, будут думать то же самое. Но на самом деле Альбина больше всего боялась, что ее хорошенькая бойкая подружка запросто отобьет у нее ее долгожданного суженного. Она инстинктивно чувствовала, что мужчины не могут оставаться равнодушными к таким доступным женщинам, даже если знают, что у них еще полно любовников. У мужчин очень развито стадное чувство. Им нравятся те женщины, которые нравятся всем, по принципу «лучше есть дерьмо всем вместе, чем торт в одиночку». Так учила ее свекровь, а ей Аля верила безоговорочно. К тому же она помнила, что и сама Ленка в молодости очень любила напевать:

Вьются кудри, вьются кудри,
Вьются кудри у б.....й.
Почему ж они не вьются
У порядочных людей?
Потому что у б.....й
Деньги есть для бигудей.
А у порядочных людей
Все уходит на б....й

Когда они встречались с Сашей, она никогда не приглашала его к себе домой, где он мог встретить Ленку. Ленка понимала ее опасения, но не обижалась, а даже гордилась тем, что Аля ее боится. На свадьбу Аля, конечно, ее пригласила быть подружкой, но тут уж обстоятельства так сложились, что она и на свадьбу не попала. Аля выходила замуж летом. Лена должна была приехать в Москву из Запорожья, но как раз в это время у нее был бурный роман, и она укатила с очередным возлюбленным в Крым, махнув рукой на свадьбу подруги. И Алиной свидетельницей стала Лера Гинзбург, которая жила в Москве.

Позже, уже будучи замужем, Аля ни разу не пригласила подругу к ним домой. Отговаривалась тем, что у Саши негостеприимные родители. Она боялась ее. Даже будучи законной женой, она боялась конкуренции. Уж очень ее всегда подавляла Ленкина уверенность в себе, ее умение использовать любые обстоятельства, найти нужный тон с любым человеком. Она знала, что Лена, если захочет, сможет очаровать и Сашиних родителей и, не дай бог, самого Сашу.

Вот и сейчас, как только Ленка сказала, что может прийти к ним, у нее на лице появился не просто испуг, а самый настоящий ужас.

– Ну, хорошо, не приду, не приду, не дрейфь, – Ленка явно смеялась над ней. Потом заговорила деловым тоном.

– Значит, так. Ты рассказываешь своему Саше, что твою несчастную подругу бросил негодяй муж, забрал у нее детей, и ей бедняжке негде жить. В общем, нужно помочь ей встать на ноги: одолжить деньги на квартиру, договориться с крышей для ее бизнеса, и так далее. Да, кстати, когда я открою магазин, будешь советовать своим подругам одеваться у меня. Не бойся, у меня все будет на высшем уровне. Ты не смотри, что я сейчас так выгляжу, Я похудею, приведу себя в порядок. Мы с тобой еще будем встречаться на светских тусовках.

– Господи, да на каких там тусовках? За кого ты меня принимаешь? За миллионершу, даму из высшего общества? Ты, наверное, думаешь, что у меня и прислуга есть?

– Ну, не знаю. Я, во всяком случае, буду именно светской дамой и для этого мне сейчас нужно выбиваться любыми средствами. И я выбьюсь.

Да уж, с горечью подумала Альбина. Ты выбьешься за мой счет. Что ж тогда я тоже буду защищаться любыми средствами. Ладно, сейчас главное узнать точно ли она не называла мое имя Олегу.

– Ну, хорошо, – сказала она вслух, – предположим, я помогу тебе с квартирой, но ведь тебе и твоему Олегу это потом покажется мало. Начнете требовать что-нибудь еще.

– А что еще? Только помочь с крышей и все. Не волнуйся, я совесть имею.

– А Олег?

– А он не знает, к кому я обращаюсь. Знает только, что есть университетская подруга, которая многим мне обязана. Я даже у Лерки взяла телефоны всех девочек, которые остались в Москве. Так что он не сможет тебя вычислить.

Да, это удачно, подумала Альбина. Даже Лера, если и узнает что-нибудь, тоже не сможет вычислить меня. А в то, что у тебя есть совесть, я, дорогая моя подружка, не верю. Учитывая то, что ты со спокойной душой сделала в молодости, и как ты сейчас бросила мужа и детей... Да и выпить ты любишь, а когда выпьешь, много говоришь.

Альбина пыталась убедить себя, что Лена заслуживает уготованную ей участь, но это ей не удавалось. Не такая уж та все-таки злодейка, да и не Альбина ей судья. Дело в другом. Пока Лена здесь, Альбина ни одной минуты не будет чувствовать себя в безопасности. Да и Сашу никогда не убедить одолжить такие деньги неизвестно кому, и насчет крыши тоже ерунда какая-то. Он и говорить об этом не захочет. Нет, выход только один. Что ж, теперь нужно только выбрать подходящий момент.

Лена по-своему расценила ее молчание.

– Ну, думаешь, что мужу сказать? – весело спросила она, заранее радуясь тому, что, по-видимому, ей удастся добиться своего. – Думай, думай, ты женщина умная, сможешь его убедить, и все у нас будет хорошо. Надо теперь за это выпить. Где наши стаканчики?

Она повернулась к Альбине спиной, неуклюже пытаясь замерзшими пальцами взять одноразовые стаканчики, которые они поставили на край каменной вазы с цветами.

Вдруг что-то как будто щелкнуло в Альбининой голове, и какой-то посторонний голос совершенно бесстрастно произнес; «Сейчас».

Альбина вдруг стала совершенно спокойной, перестали дрожать руки и ноги, прошла внутренняя дрожь. Она всунула руку в сумку и спокойно, не суетясь, вынула пистолет из пакета, сдвинула предохранитель и вытащила его из сумки. Время как будто бы растянулось, и она почему-то знала, что Лена не повернется столько времени, сколько ей будет нужно. Значит, бог за меня, мелькнула в голове кощунственная мысль. Также спокойно она поднесла пистолет к куртке подруги с левой стороны и нажала на курок.

Как же пуля пройдет сквозь всю одежду, мелькнула еще одна мысль. Но пуля прошла. Лена вдруг ткнулась головой в спинку скамейки и затихла.

Все еще не веря, что все уже произошло, Альбина еще некоторое время сидела, сжимая пистолет.

Господи, что же это я, наконец, спохватилась она. Как хорошо, что она все продумала заранее. Сейчас она могла действовать только как автомат. В голове не было ни одной толковой мысли.

– Так, что же я должна делать теперь? – вслух сказала она себе.

– Да, забрать все, что я принесла с собой.

Она осторожно обошла то, что еще недавно было ее подругой, а теперь стало чем-то страшным, взяла бутылку, стаканчики, подняла коробку от печенья, недоеденную шоколадку. Все положила в заранее приготовленный пакет.

По Плану нужно было теперь обыскать Лену, забрать документы, и лучше бы и деньги, чтобы подумали на грабителей, но это было свыше Альбининых сил. Даже под дулом пистолета она не смогла бы дотронуться до этого.

Она выглянула из-за постамента. Аллея по-прежнему была пустой. Вообще, кажется, во всем парке никого не было. Она быстро пересекла аллею и пошла между кустами к выходу. Теперь нужно было выбросить этот пакет в другом районе города.

Пистолет она вдруг решила не выбрасывать. Она давно уже заметила место, где могла бы его спрятать. В следующем от их дома дворе, через который она ходила на работу, осталось несколько гаражей для инвалидов. Однажды, выйдя из дому, она заметила, что у нее спустились колготки. Она втиснулась между гаражами, чтобы подтянуть их, и заметила, что из одной стены вывалился кирпич. Уже тогда она думала о тайнике и заглянула в отверстие. Оно оказалось достаточно вместительным для пистолета. Она подобрала и вставила на место кирпич, и с тех пор часто проверяла его. Никто и не собирался ремонтировать там стенку, да и, когда кирпич стоял на месте, совсем было незаметно, что его можно было вынуть. Конечно, у себя во дворе, она не рискнула бы сделать тайник, но в чужом вряд ли будут искать, если до этого дойдет.

Начал накрапывать дождик, что тоже было очень кстати. Прохожие прикрылись зонтиками, и перестали вообще видеть окружающих. Альбина была без зонтика, она побежала к метро вместе с другими. Начавшийся дождь сделал это естественным, и Альбина снова мысленно поблагодарила бога. Всю поездку в метро и потом на автобусе она была охвачена нетерпением уехать как можно дальше от этого страшного тела на скамейке.

Потом ее вдруг охватило чувство горькой непоправимой потери. Перед глазами стояла Ленка, но не та злобная баба, которую она оставила в парке, а хорошенькая стройная девочка в светлом платье, которая стояла перед дверью экзаменационной аудитории двадцать лет тому назад. Душа ее разрывалась от жалости. Леночка, подружка моя дорогая, что же ты с нами обещала, стараясь подавить слезы, думала она. Может, и вправду можно было попытаться поговорить с Сашей, может, она и смогла бы уговорить его одолжить Лене деньги на квартиру. Но ведь этим бы дело не кончилось, она бы не отстала от тебя всю жизнь, тут же подсказывал ей здравый смысл. Эта, что пришла к тебе сейчас, совсем не та смешливая озорная девчонка. Та умерла давно. Это как в фильме «Кладбище домашних животных». Они хоронили там дорогих им людей, чтобы те воскресли, но назад возвращались нелюди, злобные, коварные. Так и с Леной. Сейчас к тебе пришла другая.

Но перед глазами все стояла девочка в летнем платье. Альбина вспоминала, как они дружили, как болтали ночами чуть не до утра, как зубрили и волновались вместе перед экзаменами, как смеялись и плакали над одними и теми же книгами и фильмами, как Ленка чуть ли не силой одевала и красила ее в тот незабываемый вечер, когда она познакомилась с Сашей.

Не хотела она только вспоминать о тайне, которая связала их двадцать лет назад. Связала такими крепкими узами, что разорвать их смогла только смерть.

* * *

Альбина поднималась в лифте усталая, опустошенная. Она сама толком не помнила, в каких местах побывала, и где что разбросала. Когда дошла очередь до пистолета, уже, слава богу, было совсем темно, и ее, скорее всего, никто не заметил.

Дома ждала семья. Нужно было сделать нормальное, спокойное лицо, но как же тяжело было с этим справиться. Правда, когда она позвонила, и дверь открыл ее дорогой и любимый сын Сашенька, лицо как-то само собой разгладилось, все случившееся стало казаться далеким и нереальным.

– Ха, возвращение блудной матери, серия вторая, – любовно – насмешливо сказал сын, помогая ей снять куртку.

– Где же ты, мамочка, шлялась так долго, да еще в таком затрапезном виде? – прибавила выскочившая из комнаты дочка.

В их семье царила полная демократия. Дети разговаривали с родителями совершенно также как и со своими сверстниками. Альбина и Саша на них никогда не обижались, а, наоборот, гордились тем, что дети считают их своими друзьями.

– Интересно, сами послали меня выбирать себе подарок, велели без этого домой не возвращаться, а теперь еще и недовольны, – привычно вошла в свою роль Альбина.

– Ну и как, нашла? – полюбопытствовала дочь.

– Ну, вообще-то, да, если моя семейка согласится выложить две тысячи долларов, чтобы мать выглядела как топ-модель.

– Платье? – ахнула дочь. – Красивое?

– Очень, – ответила Альбина.

Она не врала. Платье она вправду наметила, но только не сегодня, а несколько дней назад.

– А тебе хорошо в нем? – не отставала Юля.

– Я его не мерила. Мне ведь нужно, чтобы кто-нибудь посмотрел на меня в нем.

– Я, я пойду с тобой. Давай завтра же и поедем.

– Что, небось, уже мысленно примеряешь его на себя, – тут же не упустил случая поддеть сестру Саша-младший.

– А тебя наши женские дела вообще не касаются, – отпарировала Юля и закричала в кухню

– Папа, мама пришла. Она себе выбрала подарок.

– Слышу, слышу.

Саша-старший вышел из кухни, где они с детьми заканчивали накрывать стол к ужину.

– Все слышал. Две тысячи долларов, платье от Кардена или Диора, или Версаче, на меньшее мы не согласны.

– Ну и как, даешь две тысячи? – поинтересовалась дочь.

– Ну, вы же знаете, для вашей мамы мне ничего не жалко. А ваше мнение? – подчеркнуто серьезно спросил он.

– Я думаю, что она, в общем-то, у нас заслуживает, – солидно ответил сын.

– Ну, спасибо, уважили, – засмеялась Альбина.

Глаза у нее стали влажными. Господи, да разве дело в платье? Какая у нее семья! Ради них она пойдет на все, да и пошла уже.

– Ладно, хватит о платье, а то вы, женщины, будете о нем весь вечер говорить, а мы от голода умираем. Правда, сын?

– Да, точно, а то мне уже уходить скоро надо, – Саша младший посмотрел на часы.

– Куда же это ты, на ночь глядя? – усаживаясь за стол спросила Альбина, хотя последнее время сын довольно часто не ночевал дома. Что ж, это понятно, ему уже скоро двадцать, он высокий, красивый, нравится девочкам. Альбина залюбовалась сыном.

– Да, и куда же это мы, на ночь глядя? – тут же подхватила Юля.

Хотя все они прекрасно понимали, что он ночует у девочки, Саша считал своим долгом придумывать какие-нибудь приличные причины для ночевки вне дома. И все, кроме сестры, делали вид, что верят ему.

– Готовиться к зачету, у меня книги нет, а у Юрки есть.

– А почему же обязательно ночью? – притворно наивно продолжала Юля.

– Потому что днем мы были на занятиях, а после обеда Юрка в супере работает, домой приходит в девять.

– Врешь ты все. Думаешь, я не знаю, что ты идешь к своей рыжей Марье, – торжествующе выпалила свое разоблачение сестра.

– Во-первых, она не Марья, а Марина, а во-вторых, нечего вторгаться в мою личную жизнь, – спокойно ответил ей брат.

– Ах, вот как, у тебя личная жизнь. А чего же ты тогда вторгался в мою?

– Когда это?

– А когда я хотела поехать Новый год встречать у Наташи на даче с классом, кто орал больше всех, чтоб меня не пускали?

– Сравнила. Ты, между прочим, несовершеннолетняя, и, кроме того, ты девушка, а я мужчина. А это, сама понимаешь, две большие разницы, а не одна какая-нибудь.

– В наше время больше не существует никаких ни больших, ни маленьких разниц. У нас все девочки ходят куда хотят и с кем хотят. Только вы меня не пускаете.

– Отец, – серьезно сказал Саша-младший. – Тебе не кажется, что у нас с ней будут большие проблемы?

– Кажется, – подтвердил Саша– большой. – Видишь ли, она очень хорошенькая, а с красивыми женщинами всегда проблемы.

– Ну, так нужно уже сейчас продумать, что нам с ней делать.

– Пожалуй, лучше всего выдать ее замуж сразу после школы. У тебя случайно нет кого-нибудь на примете?

– М-да, нужно будет серьезно подумать. Все-таки сестру отдаю, не корову.

– Вот именно, – также серьезно поддержала разговор Юля. – И у меня тоже есть требования.

– Давай, излагай, – кивнул отец, – имеешь право.

– Так вот, во-первых, он должен быть красивый. Не такой, конечно, как наш Сашка, а то я замучаюсь девок от него отгонять. Но такой, чтоб не стыдно было показать людям.

– Принято, – согласилась мужская половина семьи.

– Во-вторых, он должен быть богатым.

– Здрасьте, – возмутился брат. – По-твоему я отдам свою единственную сестру за нищего?

– Или мне нужен зять голодранец? – подхватил отец. – Конечно, за богатого.

– Ну, тогда я согласная, – милостиво кивнула Юля. – Только давайте ищите скорее.

– А мое мнение кого-нибудь интересует? – миролюбиво поинтересовалась Альбина.

– Твой голос только совещательный, – предупредил ее сын. – Но ты можешь говорить.

– Спасибо. Так вот, я против.

– Ваши аргументы:

– Наши аргументы следующие: создание семьи это очень серьезный и ответственный шаг. Особенно для женщины, так как у нее появляется много обязанностей. Ты готова убирать, стирать, готовить, а если еще и ребенок появится?

– Ну, мать, ты и излагаешь. Так человека вообще запугать можно, еще и решит старой девой остаться.

– Меня не так просто запугать, – преспокойно объявила Юля. – А, кроме того, я вообще не собираюсь ничего этого делать. Мой богатый муж наймет мне горничную и кухарку.

– Кто знает? И вообще, нужно уметь приспособиться к другому человеку, уметь уступать, не ехидничать, как ты любишь, не придираешься по пустякам.

– Вот, вот, – одобрительно кивнул Саша-младший. – Это я, твой брат, все от тебя терплю, а муж точно терпеть не станет.

– Ой, бедная я, бедная, – притворно вздохнула Юля. – Что же со мной будет?

– Мать права, тебе нужно будет поменять характер, а то муж тебя будет колотить, если только мы не найдем тебе ангела.

– Где ж его взять-то ангела, да еще богатого? – пригорюнилась Юля.

– Да, уж придется тебе с замужеством подождать. Нам не нужны разводы, дети без отца.

– Между прочим, сейчас многие сначала проверяют, как у них получится жить вместе. Не расписываются сразу, а просто снимают квартиру и живут вместе. Если что не так, сразу разбегаются и все. Так что можно сначала попробовать.

– Ты с ума сошла.

– Еще этого нам не хватало.

– Даже и думать об этом не смей.

– Я этого никогда не допущу.

Мужская половина семьи прореагировала на Юлино заявление мгновенно и бурно. Но на нее это особого впечатления не произвело.

– А что тут такого? Вы что никогда не слышали о гражданских браках?

– Юля, – веско сказал Саша-старший, – запомни. Гражданских браков не существует. Есть законный брак, и есть сожителство.

– И еще запомни, сестра, – не менее сурово прибавил Саша-младший. – Лучше быть честной разведенкой, чем незамужней давалкой.

– Господи, Саша, что ты говоришь? – ахнула Альбина.

– А что? Ты со мной не согласна? – возмутился Саша. – Я что, неправильно говорю?

– Да, нет, правильно, – запуталась Альбина.

– А тогда чего ж ты возмущаешься?

И брат с сестрой радостно захохотали.

– Ну, все, я пошел. – Саша вскочил и, дожевывая на ходу, пошел одеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.